

Ж У Р Н А Л
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

11

1 9 5 9

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1959

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви к Главам Автокефальных Православных Церквей . . .	3
ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ	

Определение Священного Синода	5
К приезду в СССР делегации Всемирного Совета Церквей	5
Ответ Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова на поздравления с 42-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции	5
Телеграмма пробста А. Иогансена Святейшему Патриарху Алексию	6
Телеграмма У. Хансена Митрополиту Николаю	6
Телеграмма епископа Э. Иенсена Митрополиту Николаю	6
Кончина Богуслава Поспишила	6
Соболезнование Митрополита Николая в связи с кончиной Б. Поспишила	6

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Летопись церковной жизни:	
Праздник Преподобного Сергия в Троице-Сергиевой Лавре	8
Служения Святейшего Патриарха Алексия	9
Архипастырские труды	11
Освящение храма	12
архиепископа Брюссельского и Бельгийского Александра)	13
А. Казем-Бек. Знаменательный юбилей (50 лет служения в архиерейском сане архиепископа Брюссельского и Бельгийского Александра	13
Свящ. П. Малов. Епископ Куйбышевский и Сызранский Митрофан (Некролог) Некрологи	18
Епископ Леонтий. Пребывание делегации Русской Православной Церкви в Польше	19
Б. Кудинкин. Религиозные деятели Западного Берлина — гости Московской Патриархии	20
Литургия Шведской Церкви в Москве и Ленинграде	23
Духовная школа:	
Доц. А. Остапов. Начало учебного года в московских духовных школах	26
Доц. А. Остапов. Праздник Московской духовной академии	27
Проф. А. Иванов. Годичный акт в ленинградских духовных школах	28
К 150-летию Ленинградской духовной семинарии (из речи инспектора П. Н. Парийского)	33
П. Н. Парийского)	36

Храмы и монастыри:	
А. Казем-Бек. Рижский кафедральный собор	41

В ЗАЩИТУ МИРА

И. Хибарин. Русская Церковь и дружба между народами	48
Прот. Е. Садовский. Проповедник мира	52

СТАТЬИ

Прот. К. Константинов. Св. великомученик Димитрий Солунский	56
Прот. Н. Трубецкой. Русское православное церковно-богослужебное пение (Продолжение)	61

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСЛАВНЫХ ИСПОВЕДАНИЙ

П. Уржумцев. Шведская Церковь (Исторический очерк)	73
--	----

ОБРАЩЕНИЕ К ГЛАВАМ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Вседушевно приветствуя Вас, Богомудрые Предстоятели Святых Божиих Церквей, мы, Патриарх Московский и всея Руси Алексий вместе со Священным Синодом Русской Православной Церкви, обращаемся к Вашим Блаженствам с намерением высказать свое отношение к предложению Правительства Советского Союза о всеобщем и полном разоружении.

Не будет преувеличением, если мы назовем это предложение самым выдающимся событием наших дней. К нему приковано внимание всех народов, жаждущих освобождения от страха войны; с ним невольно связываются наши христианские упования и молитвы «о мире всего мира». Поэтому нам, служителям Церкви, благовествующим мир через Иисуса Христа (Деян. 10, 36), необходимо сказать свое слово в защиту и подкрепление надежды, возбуждаемой в людях возможностью всеобщего и полного разоружения.

Мы, православные христиане Советского Союза, воспринимаем это предложение нашего Правительства как искреннее стремление избавить человечество от угрозы новой мировой войны. Мы видим в этом проекте верный путь к действительному оздоровлению международных отношений, непрерывно омрачаемых пагубным соревнованием в области вооружений.

При чтении проекта о разоружении нам, христианам, нельзя не вспомнить ветхозаветное пророчество Исаии о том времени, когда народы «перекуют мечи свои на плуги и копыя свои — на серпы» (Исаии 2, 4).

Нельзя не присоединиться к недавно сказанным словам Архиепископа Кентерберийского о том, что «ни один христианин не мог сделать лучшего предложения, чем то, которое сделал на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций Н. С. Хрущев» во время своего знаменательного посещения Соединенных Штатов Америки.

В том, что советское предложение о всеобщем и полном разоружении соответствует христианским упованиям, заключается ободряющая надежда на согласие западных стран осуществить его в духе христианского доверия.

В этом отношении слово Православных Церквей, сильных своим духовным союзом и единомыслием, могло бы весьма своевременно напомнить христианскому миру о несовместимости уничтожения людей с верой во Христа, призывающего всех людей быть чадами Божиими.

Если мы молимся о мире всего мира, то мы не только просим у Господа даровать Вселенной глубокий и неотъемлемый мир, но и прилагаем собственные усилия и делаем все, чтобы внести свой вклад в великое дело упрочения мира на земле.

Миллионы христиан ждут, Святители Христовы, вашего слова о предложении Советского Правительства, ибо в известной мере от нас, служителей Церкви, зависит, чтобы воля людей ко всеобщему разоружению нашла опору в Божественной Любви, восшедшей на Крест для спасения человеческого рода от греха, проклятия и смерти.

И если мы согреем сердца людей словом любви, то человечеству будет легче достигнуть того духовного состояния, когда «не поднимет народ на народ меч, и не будут больше учиться воевать» (Исая 2, 4).

Твердым основанием наших призывов к миру да будет данная на все времена заповедь Господа нашего Иисуса Христа: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9).

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Постоянные члены Священного Синода:

НИКОЛАЙ, Митрополит Крутицкий и Коломенский
ИОАНН, Митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх
Украины

ПИТИРИМ, Митрополит Ленинградский и Ла-
дожский

Москва,
23 ноября 1959 года

«Известия» от 25 ноября 1959 года, № 279

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ в заседании от 1 октября 1959 года определил:

Назначить начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Августина (Судоплатова), освободив его от должности наместника Псково-Печерского монастыря.

К ПРИЕЗДУ В СССР ДЕЛЕГАЦИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ

20 марта сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай направил генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей д-ру В. А. Виссерт-Хуфту приглашение посетить Русскую Православную Церковь с делегацией Всемирного Совета Церквей. В соответствии с этим приглашением 1 декабря сего года в Москву прибывает делегация Всемирного Совета Церквей во главе с генеральным секретарем Совета д-ром В. А. Виссерт-Хуфтом. В составе делегации: г-н Джо Тан — один из генеральных секретарей «Конференции христиан Восточной Азии» (баптистское объединение Бирмы), преп. д-р О. Ф. Нольде — директор Комиссии церквей по международным вопросам Всемирного Совета Церквей и заместитель генерального секретаря Всемирного Совета Церквей (Лютеранская Церковь США), преп. Фрэнсис Х. Хаус, заместитель генерального секретаря Всемирного Совета Церквей (Англиканская Церковь), д-р Н. Ниссиотис, помощник директора Экуменического института в Боссе (Элладская Церковь) и А. Ф. де Веймарн.

Русская Православная Церковь рада приветствовать у себя выдающихся деятелей Экуменического движения.

В РЕДАКЦИЮ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

Прошу передать через Ваш журнал благодарность от имени Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и от меня лично архиереям и другим деятелям Русской Православной Церкви, приславшим в Совет свои поздравления с 42-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Председатель Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР Г. Карпов

СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ

Низко кланяюсь Вашему Святейшеству, благодарю за радушный прием. Никогда не забуду, что Вашему Святейшеству угодно было принять с таким вниманием меня, простого датского пастора. Ваш подарок всегда будет напоминать о Вашей ко мне благосклонности.

Пробст Альф Иогансен

Копенгаген,
1 ноября 1959 года

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ МИТРОПОЛИТУ НИКОЛАЮ

Возвращаясь в Копенгаген, шлю Вам мой привет и сердечную благодарность за все хорошее, а также за пожелания, выраженные Вами сегодня моей супруге. До скорого свидания. Преданный Вам

Уффе Хансен

29 октября 1959 года

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ МИТРОПОЛИТУ НИКОЛАЮ

Поездка моего друга пробста Иогансена в Советский Союз представила мне возможность передать Вам мой сердечный привет и глубокую благодарность за радушие, гостеприимство и заботы, которые Вы оказали нам во время нашего пребывания у Вас в качестве гостей Русской Православной Церкви в 1955 году. Этот визит навсегда останется в нашей памяти. Я постоянно с благодарностью вспоминаю все, что связано с этим.

Прошу принять мои наилучшие пожелания Вам, а также пожелания успехов в Вашей благородной деятельности.

Да будет благословение Божие на Вашу страну и Церковь.
Преданный Вам

епископ Эрик Иенсен

Ольборг, Дания,
8 октября 1959 года

КОНЧИНА БОГУСЛАВА ПОСПИШИЛА

14 октября 1959 года в Праге после продолжительной болезни скончался Богуслав Поспишил, доктор богословия *honoris causa*, который был деканом Пражского богословского факультета имени Яна Гуса, генеральным секретарем Христианской мирной конференции, директором Экуменического института при факультете имени Яна Коменского в Праге, секретарем Экуменического совета Церквей Чехословакии.

Похороны почившего состоялись в Праге 17 октября сего года.

Неутомимый работник, все свои силы отдававший делу укрепления мира во всем мире и Экуменическому движению, д-р Б. Поспишил оставил по себе самую светлую память у всех, кто его знал.

Прага

**ДОКТОРУ ВИКТОРУ ГАЕКУ,
ПРЕЗИДЕНТУ ХРИСТИАНСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Примите искреннее соболезнование по случаю неожиданной кончины доктора Богуслава Поспишила. Господь да упокоит его душу в небесных селениях.

Митрополит Николай

16 октября 1959 года

К ПРИЕМУ НОВОГО ЭКЗАРХА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ПАТРИАРШЕГО
ПРЕСТОЛА В МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ЭКЗАРХ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ПАТРИАРХИИ
АРХИМАНДРИТ ЕЛПИДИЙ ХАСАПИС
НА ПРИЕМЕ У МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО
И КОЛОМЕНСКОГО НИКОЛАЯ

ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

ПРАЗДНИК ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

День преставления Преподобного Сергия Радонежского, как всегда, собрал в стенах Троице-Сергиевой Лавры множество богомольцев. Паломники начали стекаться в обитель Преподобного с вечера 6 октября. В тот же день для возглавления торжеств, на которые съехались архиереи из многих ближних и дальних епархий, прибыл Священно-архимандрит Лавры Святейший Патриарх Алексий.

В среду 7 октября после малой вечерни Святейший Патриарх читал у раки Преподобного Сергия акафист с Митрополитом Одесским и Херсонским Борисом, архиепископом Тульским и Белевским Антонием, епископами: Омским и Тюменским Сергием, Новгородским и Старорусским Сергием, Дмитровским Пименом, Калининским и Кашинским Феодосием, Уфимским и Стерлитамакским Никоном, Курским и Белгородским Леонидом и епископом Грузинской Православной Церкви Давидом. В этот же день в Троицком соборе Лавры Святейший Патриарх Алексий совершил всенощное бдение с епископом Давидом и епископом Новгородским и Старорусским Сергием. В Успенском соборе всенощное бдение совершали Митрополит Одесский и Херсонский Борис, епископ Омский и Тюменский Сергей и епископ Калининский и Кашинский Феодосий; в Трапезном храме — епископ Дмитровский Пимен и епископ Уфимский и Стерлитамакский Никон; в Академическом храме — архиепископ Тульский и Белевский Антоний и епископ Курский и Белгородский Леонид. Во всех храмах архиереям сослужил многочисленный клир. Наряду с лаврским и академическим духовенством в праздничных богослужениях участвовало свыше 60 священников, прибывших из Москвы и многих других городов.

Утром 8 октября раннюю литургию в Трапезном храме совершил Преосвященный Сергей, епископ Омский и Тюменский, а в Успенском соборе — наместник Псково-Печерского монастыря игумен Алипий с лаврским духовенством. Позднюю литургию в Троицком соборе совершал Святейший Патриарх Алексий, которому сослужили протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, наместник Лавры архимандрит Пимен, благочинный русских приходов в Нидерландах архимандрит Дионисий, архимандрит Никодим, игумен Тихон и иеромонах Питирим. В алтаре присутствовал Святейший Патриарх-Католикос всея Грузии Мелхиседек.

Во время литургии Святейший Патриарх Алексий возложил второй крест с украшениями на наместника Лавры архимандрита Пимена (Хмелевского) и возвел в сан архимандрита инспектора Московской духовной академии иеромонаха Питирима (Нечаева). В конце литургии Святейший Патриарх произнес слово, в котором говорил о том, как ученики Преподобного Сергия, присутствуя при его блаженной кончине, со скорбью окружали одр своего учителя, прося его, чтобы он и у

Престола Божия проявлял к ним ту же любовь, как и при жизни своей. Утешая их, Преподобный обещал быть их игуменом и после своей кончины. При этом братья вспомнили и обетование Царицы Небесной, данное ранее этого Преподобному Сергию, что Она не оставит обители и сохранит ее под Своим небесным покровительством, и это воспоминание вселяло в них надежду, ободряло их. «Прошло 567 лет,—сказал Святейший Патриарх,—и мы видим исполнение обещания Преподобного. Мы видим и благословение Царицы Небесной, которым Она сохраняет Лавру по его молитвам. И то, что не заросла тропа к мощам Преподобного Сергия, то, что столько верующих собралось и ныне к раке его, свидетельствует о том, что сбылось обещание его».

По окончании Божественной литургии у раки Преподобного было совершено молебствие, после которого Святейший Патриарх Алексий и Святейший Патриарх-Католикос Мелхиседек проследовали в патриаршие покои Лавры, с балкона которых Святейший Патриарх Алексий преподал паломникам патриаршее благословение.

В Успенском соборе позднюю литургию совершали Митрополит Одесский и Херсонский Борис, епископ Калининский и Кашинский Феодосий, епископ Уфимский и Стерлитамакский Никон и епископ Грузинской Православной Церкви Давид с архимандритом Лавры Серафимом и сонмом духовенства. После Божественной литургии Митрополит Борис и епископы совершили молебен пред иконой Преподобного Сергия у Надкладезной часовни перед Успенским собором.

В Трапезном храме позднюю литургию совершал епископ Дмитровский Пимен в сослужении архимандрита Петра и большого числа священников.

В Академическом храме Божественную литургию совершали архиепископ Тульский и Белевский Антоний, епископ Новгородский и Старорусский Сергей и епископ Курский и Белгородский Леонид в сослужении ректора Московской духовной академии прот. К. Ружицкого и академического духовенства.

По окончании праздничного богослужения из Успенского собора в братскую трапезную Лавры направилось «шествие с панагией». На трапезе присутствовали епископы во главе с Митрополитом Борисом, который поздравил братию обители с ее праздником, а епископов Омского и Новгородского — со днем их тезоименитства. После трапезы гости Лавры были приняты Святейшим Патриархом Алексием. Благочинного русских православных приходов в Нидерландах архимандрита Дионисия (Лукина) Патриарх пожаловал высокой наградой — правом ношения Патриаршего креста. Всем присутствовавшим на торжествах Святейший Патриарх роздал образки Преподобного Сергия художественной работы в напоминание о славном празднестве в исторической Лавре.

СЛУЖЕНИЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

ИЮНЬ — ОКТЯБРЬ 1959 ГОДА

ИЮНЬ

11 июня (29 мая). Вознесение Господне. Всенощное бдение в канун праздника Святейший Патриарх Алексий совершал в Успенском кафедральном соборе г. Одессы в сослужении Митрополита Одесского и Херсонского Бориса и архиепископа Кишиневского и Молдавского Нектария.

21 (8) июня. День Святой Троицы. Святейший Патриарх Алексий совершал Божественную литургию в Успенском кафедральном соборе г. Одессы в сослужении Митрополита Одесского и Херсонского Бориса и епископа Курского и Белгородского Леонида.

18 (5) июля. Празднование Обретения честных мощей Преподобного Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца. Святейший Патриарх Алексий совершал в канун праздника в Троицком соборе Лавры малую вечерню с чтением акафиста в сослужении Митрополита Одесского и Херсонского Бориса, епископа Псковского и Порховского Иоанна, епископа Лужского Алексия и епископа Дмитровского Пимена. Всенощное бдение в том же Троицком соборе Лавры Святейший Патриарх Алексий совершал в сослужении епископа Лужского Алексия и епископа Дмитровского Пимена. Божественную литургию в день праздника в Троицком соборе совершали Блаженнейший Патриарх Великой Антиохии и всего Востока Феодосий VI, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, Митрополит Захлесский и Баальбекский Нифон (Антиохийская Церковь) и Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай в сослужении сонма духовенства. После литургии Святейшие Патриархи, митрополиты и сослужащий им собор совершали молебен у раки мощей Преподобного Сергия. Святейший Патриарх Алексий и Блаженнейший Патриарх Феодосий обменялись приветственными словами. Одновременно с патриаршим богослужением в Успенском и Трапезном храмах Лавры совершались архиерейские службы, которые закончились общим молебном на главной площади Лавры у часовни над св. колодцем Преподобного Сергия.

21 (8) июля. Празднование в честь явления Казанской иконы Божией Матери. Торжественное всенощное бдение и Божественную литургию совершали в Богоявленском патриаршем соборе Блаженнейший Патриарх Великой Антиохии и всего Востока Феодосий VI, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, в сослужении Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, Митрополитов Антиохийской Церкви: Захлесского и Баальбекского Нифона, Елифанийского Игнатия, Тиро-Сидонского Павла, Митрополита Ленинградского и Ладожского Питирима, Митрополита Одесского и Херсонского Бориса, епископа Лужского Алексия, епископа Сергиопольского Василия (Антиохийская Церковь), епископа Дмитровского Пимена, епископа Подольского Иоанна и большого собора духовенства. При встрече Блаженнейшего Патриарха Феодосия настоятель собора протопресвитер Н. Ф. Колчицкий говорил ему приветственное слово. Блаженнейшему Патриарху Феодосию была поднесена икона Божией Матери. После литургии был совершен молебен пред чудотворным образом Царлцы Небесной.

АВГУСТ

19 (6) августа. Праздник Преображения Господня. Святейший Патриарх Алексий в Успенском кафедральном соборе г. Одессы совершал праздничное богослужение совместно с Митрополитом Одесским и Херсонским Борисом и собором духовенства.

28 (15) августа. Праздник Успения Божией Матери. Святейший Патриарх Алексий совершал праздничное богослужение в Успенском кафедральном соборе г. Одессы в сослужении Митрополита Одесского и Херсонского Бориса, епископа Калининского и Кашинского Феодосия и собора духовенства.

ОКТЯБРЬ

8 октября (25 сентября). Память преставления Преподобного Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца. Святейший Патриарх Алексий совершал в канун праздника в Троицком соборе Лавры малую вечерню с чтением акафиста в сослужении Митрополита

Одесского и Херсонского Бориса, епископа Омского и Тюменского Сергия, епископа Новгородского и Старорусского Сергия и епископа Дмитровского Пимена. Всенощное бдение Святейший Патриарх Алексий совершал в том же Троицком соборе Лавры в сослужении епископа Новгородского и Старорусского Сергия и епископа Давида (Грузинская Церковь). Божественную литургию Святейший Патриарх Алексий совершал также в Троицком соборе и в конце ее говорил слово о неослабном почитании Преподобного Сергия и непрестанном его ходатайстве пред Богом за всех притекающих к его помощи. За Божественной литургией Святейший Патриарх Алексий возложил на наместника Лавры архимандрита Пимена крест с украшениями, удостоив его тем самым высокой награды — права ношения двух крестов, а также возвел в сан архимандрита иеромонаха Питирима, инспектора Московской духовной академии. За богослужением в Троицком соборе присутствовал Святейший Католикос-Патриарх всея Грузии Мелхиседек. Одновременно с патриаршим богослужением совершались архиерейские богослужения в Успенском и Трапезном храмах Лавры и Покровском храме Московской духовной академии. Богослужение в честь праздника закончилось общим молебном на Лаврской площади у надкладезной часовни.

14 (1) октября. Покров Пресвятой Богородицы. Святейший Патриарх Алексий в сослужении епископа Саратовского и Сталинградского Палладия и епископа Новгородского и Старорусского Сергия совершал накануне всенощное бдение, а в день праздника после Божественной литургии — молебен в Покровской церкви Московской духовной академии. Перед молебном Святейший Патриарх Алексий обратился с назидательным словом к учащимся Московской духовной академии и семинарии. По окончании праздничного богослужения Святейший Патриарх Алексий присутствовал на торжественном годовичном академическом акте.

18 (5) октября. Празднование памяти Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена. Святейший Патриарх Алексий в самый день праздника в сослужении епископа Дмитровского Пимена и собора духовенства совершал накануне в Богоявленском патриаршем соборе всенощное бдение, а после литургии — праздничный молебен.

25 (12) октября. Канун празднования в честь Иверской иконы Божией Матери. Святейший Патриарх Алексий в сослужении епископа Арсения совершал всенощное бдение с чтением акафиста пред чудотворной иконой Царицы Небесной в храме Воскресения Христова, что в Сокольниках.

АРХИПАСТЫРСКИЕ ТРУДЫ

В субботу 5 сентября 1959 года Преосвященный Флавиан, епископ Свердловский и Курганский, прибыл в г. Красноуфимск Свердловской епархии, где в местной церкви совершил всенощное бдение, а в воскресенье — Божественную литургию, в конце которой произнес слово о христианской любви.

Вечером в том же храме Преосвященный Флавиан совершил акафистное пение Пресвятой Богородице пред местной иконой, именуемой «Боголюбская», а после акафиста сказал слово о почитании Божией Матери.

На другой день, 7 сентября, Преосвященный Флавиан посетил кладбищенский молитвенный дом в г. Нижние Серги Свердловской епархии.

В воскресенье 13 сентября 1959 года Преосвященный Флавиан, епископ Свердловский и Курганский, посетил областной центр — г. Кур-

ган, где совершил освящение престола местного храма Сошествия Святого Духа на апостолов. Затем была совершена Божественная литургия, за которой архипастырь сказал слово о значении храма, как училища веры и благочестия.

Вечером в том же храме Преосвященный Флавиан совершил молебен с акафистом Пресвятой Троице, а на другой день, 14 сентября, посетил храм в селе Рычкове Курганской епархии.

*
* *

С 25 сентября по 2 октября 1959 года в г. Риге находился временно управляющий Рижской епархией Преосвященный Иоанн, епископ Таллинский и Эстонский.

13/26 и 14/27 сентября, в канун и в самый день праздника Воздвижения Честного Креста Господня, епископ Иоанн совершал богослужения в рижском Христорождественском кафедральном соборе. Особенно торжественным был момент воздвижения Креста по иерусалимскому чину. Затем архипастырь произнес слово, посвященное празднику, на тему «Крест — хранитель всея вселенная».

В самый день праздника Воздвижения епископ Иоанн совершил Божественную литургию.

В тот же день вечером Преосвященный Иоанн совершал богослужения в рижском Свято-Троицком женском монастыре по случаю освящения капитально отремонтированного храма в честь Преподобного Сергия Радонежского.

*
* *

10—11 октября текущего года в г. Коврове происходило церковное торжество — освящение нового престола в главном алтаре местного Христорождественского собора.

На торжество прибыл, в субботу 10 октября к вечернему богослужению, Высокопреосвященный Онисим, архиепископ Владимирский и Суздальский, тотчас же по приезде обратившийся к собравшимся в соборе молящимся со словом о Промысле Божиим и о любви Божией к роду человеческому.

Утром 11 октября, в 9 часов, архиепископ Онисим в сослужении местного духовенства и прибывшего с ним прот. Громова приступил к чину освящения престола. После окропления святой водой всех подлежащих предметов и возложения антиминса на освященном престоле началось совершение Божественной литургии. По окончании чтения Евангелия архипастырь произнес проповедь о храме и его значении для христиан. После литургии был отслужен благодарственный молебен.

ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА

1 октября текущего года в селе Аджим, Кировской епархии, состоялось торжество освящения местного храма после капитального его ремонта.

Этот величественный храм построен 170 лет тому назад и является одним из лучших по архитектуре храмов в епархии.

Освящение храма, по поручению Преосвященного Поликарпа, епископа Кировского и Слободского, совершил благочинный, митрофорный протоиерей Н. И. Ванчуров, которому сослужили настоятель храма о. П. Новоселов и четыре священника из близлежащих храмов.

В воскресенье 4 октября 1959 года состоялось торжество обновления и освящения святого престола Свято-Никольского молитвенного дома в г. Волжске, Казанской епархии.

Торжество возглавлял прибывший из Казани Высокопреосвященный Иов, архиепископ Казанский и Марийский. Ему сослужили: его личный секретарь о. Н. Евтропов, благочинный прот. Н. Бомбицкий, настоятель молитвенного дома иеромонах Никон (Мозговой) и протодиакон Беженцев.

Когда после крестного хода вокруг церкви в притворе была отнята завеса, преграждающая вход в дом Божий, верующие вошли и заполнили храм. Здесь, на вновь освященном престоле, была совершена Божественная литургия. После прочтения Евангелия архиепископ Иов произнес проповедь.

Торжество закончилось положенными многолетиями и кратким словом Высокопреосвященного Иова, поздравившего всех присутствующих с великим событием в их приходской жизни.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕИ

(К ПОЛУВЕКОВОМУ СЛУЖЕНИЮ АРХИЕПИСКОПА БРЮССЕЛЬСКОГО И БЕЛЬГИЙСКОГО АЛЕКСАНДРА В АРХИЕРЕЙСКОМ САНЕ)

15/28 ноября нынешнего года исполняется 50-летие архиерейского служения архиепископа Брюссельского и Бельгийского Александра (Немоловского), хиротония которого во епископа Аляскинского состоялась в Петербурге в 1909 году.

Маститый архипастырь прожил долгую и яркую жизнь, полную событий, тяжких испытаний и резких перемен, среди которых он проявлял замечательную выдержку, стойкость и верность Матери — Русской Православной Церкви.

За эту верность Преосвященному Александру пришлось заплатить жестокими невзгодами, тюрьмой и нуждой, доходившей до нищеты. Но никакие тревожения и мытарства не смогли сломить его духа, и пережитые в годы Отечественной войны гонения за границей лишь закаляли твердость исповедника, смотревшего на уготованное ему хождение по мукам как на проявление особой милости Божией.

*
* *

Архиепископ Александр родился в 1880 году в Житомире и в мире носил то же имя. Первым учеником он окончил (в 1901 г.) Волынскую духовную семинарию. По первому разряду окончил и С.-Петербургскую духовную академию и сразу после этого был рукоположен ректором ее, епископом Сергием (будущим Патриархом всея Руси) в сан диакона и затем — священника (с целибатов). О. Александр Немоловский получил назначение в Соединенные Штаты на пост настоятеля русского прихода в Филадельфии. Служение его в Америке протекало под омофором архиепископа Тихона, будущего Патриарха Московского и всея Руси. В 1906 году он был переведен настоятелем прихода в Джерсей-Сити (около Нью-Йорка) и в 1909 году возведен в сан протонеря. А в октябре того же года последовало распоряжение Синода о возведении его в архиерейский сан; он выехал в Петербург, где 15/28 ноября и состоялась его хиротония.

Преосвященный Александр оставался викарным епископом Американской епархии до отъезда в Россию (в 1917 г.) правящего архиерея,

архиепископа Евдокима, после чего вступил в управление Русской Церковью в Америке. В конце 1917 года он был утвержден в этой должности Патриархом Тихоном. В 1921 году в США прибыл управлявший ранее Американской епархией митрополит Платон. Архиепископ Александр, уступая первенство старшему иерарху, отстранился от руководства епархией и покинул Америку. С конца 1921 года он в течение ряда лет пребывал в Константинополе, сотрудничая со Вселенским патриаршим престолом. Когда в конце 20-х годов турецкие власти стали вводить всевозможные административные ограничения для проживавших в Турции русских, архиепископ Александр был ввергнут в тюрьму. После того, как турецкое правительство приняло решение о высылке его из Турции, Преосвященный Александр при содействии Константинопольского Патриархата выехал на Афон, где жил в Андреевском русском скиту. Вселенский Патриарх удостоил его права ношения креста на клобуке и на митре.

АЛЕКСАНДР,
АРХИЕПИСКОП БРЮССЕЛЬСКИЙ
И БЕЛЬГИЙСКИЙ

Митрополит Евлогий, управлявший русскими православными церквями в Западной Европе, предложил архиепископу Александру быть его викарием в Брюсселе. В декабре 1936 года митрополит Евлогий, состоявший в юрисдикции Константинопольского Патриарха, получил от него грамоту, утверждавшую за Преосвященным Александром титул архиепископа Брюссельского и Бельгийского. В июне 1937 года актом бельгийского правительства было утверждено положение о Русской Православной Церкви в Бельгии, определявшее ее юридический статус.

Вслед за этим автокефальные Церкви Сербская, Румынская и Болгарская поручили архиепископу Александру представлять их на территории Бельгии.

За годы своего архиерейства в Бельгии Преосвященный Александр снискал себе уважение русской колонии и бельгийских общественных кругов. После вторжения гитлеровцев в 1940 году архипастырь проявлял большое мужество как в своих выступлениях с амвона, так и во всей линии своего поведения, открыто выражая патриотические чувства и сочувствие поращенной Бельгии. 4 ноября 1940 года гестапо арестовало архипастыря, и он был перевезен в тюрьму в Аахене в кандалах и с прикрепленной на груди дощечкой с надписью «враг № 2». Из Аахена он был переведен в берлинскую тюрьму, где здоровье его так ухудшилось, что в начале 1940 года его поместили в полной изоляции и под надзором в Александровскую богадельню на русском православном кладбище в Тегеле (предместье Берлина).

За архиепископа Александра ходатайствовал митрополит Серафим (Ляде), один из главных деятелей карловацкого раскола, надеявшийся склонить узника к сослужению с ним. Но архиепископ Александр решительно отверг эти домогательства, до конца войны оставаясь в Тегеле, где ему было запрещено совершать богослужения и покидать кладбище. Для поддержания его существования ему разрешили служить панихиды на могилах, и четыре года он пользовался лишь редкими и скромными приношениями молящихся. За это время русские берлинцы привыкли видеть его изможденным, в рубище, но приветливо улыбающимся и проводящим дни в молитве. Свобода была возвращена архиепископу Александру к моменту приближения Советской Армии, и с 30 апреля 1945 года он возглавил русские приходы в Берлине.

*
* *

По окончании войны восстановились нормальные сношения между Русской Православной Церковью и ее зарубежными ветвями. 2 сентября 1945 года Митрополит Крутицкий Николай торжественно воссоединил митрополита Евлогия со всем его духовенством с Матерью — Русской Церковью. В начале октября в Берлин прибыли представители Патриарха Московского и всея Руси — протопресвитер Н. Ф. Колчицкий и протоиерей Федор Казанский. В их присутствии был составлен акт о воссоединении с Матерью-Церковью русских приходов Берлина (Воскресенского кафедрального собора, храма свв. Константина и Елены в Тегеле, храма св. Владимира и домовая церковь на Находштрассе), Потсдама, Дрездена и Лейпцига. Самое торжество воссоединения было приурочено к празднованию Покрова Пресвятой Богородицы в кафедральном соборе.

После чтения Евангелия архиепископ Александр с большим волнением произнес слово, обращенное к православным берлинцам, переполнившим храм. «Таинственно-непостижимо наше духовное рождение,— сказал он.— Рожденные, мы не оставляем лоно своей Матери, оставаясь членами тела ее, хотя пространственно, рассуждая по-человечески, далеки от нее. Ныне, милостию Божией, мы сознали, что составляем с нею одно, и вот видимо совершается единение наше с нашей святой Матерью — Русской Православной Церковью...». Архиепископ выразил свою радость в связи с присутствием прибывших «из самого сердца России — Москвы» представителей Святейшего Патриарха Алексия. «Вместе с ними служат и молятся ваши пастыри, пережившие все ужасы налетов, бомбардировок, не бежавшие и не бросившие вас на произвол судьбы, душу свою полагавшие за Церковь и за вас, ибо когда

тряслась земля, когда временами день превращался в ночь, когда храмы наши, казалось, распадались на части, они — пастыри — не покидали алтарей, не отходили от престола, не прерывали богослужений... Будем всегда благодарить Бога,— воскликнул в заключение архипастырь,— что мы родились русскими, православными! В нынешний день пламенем огненным да восходит к небесам наша молитва благодарения за великую милость Бога к нам, даровавшего нам днесь пресветлое торжество и духовного и внешнего объединения нашего с Матерью— Церковью Русской Православной».

В начале 1946 года состоялась поездка Преосвященного Александра в Москву к Святейшему Патриарху. Путешествие это произвело потрясающее впечатление на престарелого архипастыря, столь долгие годы жившего на чужбине. Архиепископ Александр сослужил Святейшему Патриарху в разных храмах Москвы, совершил панихиду у гробницы Патриарха Сергия, посетил Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры.

По возвращении в Берлин он резюмировал свои впечатления следующими знаменательными словами, обращенными к спутникам: «Золотой наш сон кончился...».

Преосвященному Александру было поручено управлять, в качестве викария митрополита Евлогия, русскими приходами в Германии с включением их (по его же просьбе) в Западноевропейский экзархат Русской Православной Церкви. После кончины Высокопреосвященного Евлогия викариатство архиепископа было преобразовано в самостоятельную епархию. Хотя при этом за ним и было сохранено окормление бельгийских приходов, он стремился быть ближе к своей пастве, от которой в свое время был оторван насильственным путем. Он несколько раз ходатайствовал перед Патриархом Алексием и митрополитом Евлогием, чтобы ему была дана возможность вернуться в свой кафедральный храм в Брюсселе. Просьба эта была удовлетворена, и в ноябре 1948 года архиепископ Александр возвратился к месту своего прежнего служения, где он и по сей день возглавляет стойких сынов Матери-Церкви.

*
* *
*

Знающие маститого архипастыря будут в эти дни с благодарным умилением вспоминать трогательный облик архиерея, почти не снимающего епитрахили, наклоненного над аналоем. Его можно застать в таком положении почти во всякое время. И во всякое же время встреча с ним неизменно оставляет у посетителя особое впечатление благочестивого энтузиазма. От немощного, физически одряхлевшего, но живого и сильного духовно старца веет какой-то духовной молодостью.

У этого святителя-молитвенника за его долгую жизнь и за полвека епископского служения Православной Церкви накопилось великое множество имен,— имен людей, о которых он всегда молится, и синодик его не переставал возрастать в объеме... Литургию он служит ежедневно. Для поминовения всех он вынужден начинать проскомидию ночью. Беспреданно шепчут его губы, безостановочно вынимаются частицы из просфор. Так переступает он порог второго полустолетия архиерейской жизни.

Празднуя столь славный и исключительный юбилей, вся Православная Церковь возглашает святителю Александру многая лета!

А. Казем-Бек

К ХИРОТОНИИ
АРХИМАНДРИТА ДОСИФЕЯ (ИВАНЧЕНКО)
ВО ЕПИСКОПА НЬЮ-ЙОРКСКОГО

(см. описание в «ЖМП» № 10 за 1959 год)

ДОСИФЕЙ,
ЕПИСКОП НЬЮ-ЙОРКСКИЙ

ЕПИСКОП КУЙБЫШЕВСКИЙ И СЫЗРАНСКИЙ МИТРОФАН

(НЕКРОЛОГ)

12 сентября 1959 года, после продолжительной и тяжелой болезни, в возрасте 61 года, скончался Преосвященный Митрофан, епископ Куйбышевский и Сызранский.

МИТРОФАН,
ЕПИСКОП КУЙБЫШЕВСКИЙ
И СЫЗРАНСКИЙ

Епископ Митрофан (в мире Михаил Петрович Гutowский) родился в 1897 году в семье священника Волынской епархии. В 1919 году он окончил Волынскую духовную семинарию, а в 1931 году — Православный богословский факультет Варшавского университета со званием магистра богословия. Служение свое Церкви Христовой М. П. Гutowский начал сразу же по окончании семинарии в должности псаломщика в приходах Волынской епархии. В 1930 году, будучи студентом III курса, он принял монашеский постриг с именем Митрофана, а по окончании университета проходил послушание в Почаевской лавре сначала в должности заведующего Здолбуновским подворьем лавры, а потом в самой лавре в должности эконома и казначея.

С 1934 года начинается учебно-воспитательская деятельность Преосвященного Митрофана, тогда еще архимандрита, по подготовке юношества к духовному званию, продолжавшаяся почти два десятилетия. В этом году он был сначала наместником, а затем настоятелем Яблочинского монастыря и в то же время заведывал псаломщицко-диаконской школой Варшавско-Холмской епархии. В 1945 году, после репатриации из Польши в Советский Союз, он был назначен ректором Богословско-пастырских курсов при Жировицком монастыре Минской епархии, а с 1947 года — ректором Минской духовной семинарии.

5 июля 1953 года состоялась хиротония архимандрита Митрофана в епископа Бобруйского, викария Минской епархии. В 1955 году епископ Митрофан был назначен на кафедру епископа Орловского и Брянского, а в 1956 году — епископом Куйбышевским и Сызранским, где трудился до самой кончины.

Все, знавшие епископа Митрофана, считали его образцом доброты, кротости и незлобия. Обладая исключительным тактом и выдержкой, он в обращении с людьми был всегда ласков и внимателен. Забота о нуждах вверенной ему паствы даже во время болезни не позволяла ему прекращать обычных занятий; так, буквально за два дня до смерти он принимал посетителей и лично рассматривал дела, которые требовали его архипастырского разрешения.

Резкое ухудшение в состоянии здоровья Преосвященного Митрофана наступило в ночь с 11 на 12 сентября, когда вдруг участились приступы удушья. Утром 12 сентября он приобщился Св. Таин, а около полуночи тихо почил.

По облачении покойного архипастыря в священные одежды и совершении первой панихиды над его гробом началось чтение св. Евангелия.

Когда весть о кончине архипастыря дошла до верующих, то многие из них приходили проститься с ним.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия для отпевания почившего епископа Митрофана в Куйбышев прибыл архиепископ Саратовский и Сталинградский Палладий, который 14 сентября в сослужении многочисленного духовенства совершил заупокойное всенощное бдение, а 15 сентября — Божественную литургию и чин отпевания.

После отпевания и надгробных слов гроб с телом почившего, припении ирмосов «Помощник и Покровитель», на руках священнослужителей был обнесен вокруг храма и опущен в склеп в притворе храма.

Куйбышевская паства навсегда сохранит память о Преосвященном епископе Митрофане, как о заботливом архипастыре и усердном молитвеннике.

Свящ. П. Малов

НЕКРОЛОГИ

30 августа 1959 года в г. Алушке скончался на 77-м году жизни заштатный протоиерей Владимир Иосифович Малевич.

О. Владимир родился в 1883 году; в 1906 году окончил Волынскую духовную семинарию; в 1911 году был рукоположен во священника и прослужил в священном сане 41 год, из которых последние три года — в соборе г. Ялты.

Чин погребения о. Владимира совершил настоятель собора г. Ялты протоиерей о. Андрей Кухарчу в сослужении протоиерея о. Михаила Соболева.

*
* *

В г. Уфе 10 сентября 1959 года скончался игумен Ксенофонт (в мире Константин Иванович Синютин). О. Ксенофонт с 1930 по 1956 год нес пастырское послушание при кафедральном Сергиевском соборе г. Уфы. В 1944 году он был возведен в сан игумена и награжден крестом с украшениями.

Чин погребения был совершен архимандритом Таврионом и местным духовенством.

* * *

1 октября 1959 года в г. Красный луч Луганской области скончался на 81-м году жизни бывший благочинный 4-го округа, настоятель храма в честь Рождества Богородицы заштатный протоиерей Александр Яковлевич Фомин, прослуживший в сане священника 55 лет. Последние 10 лет он был настоятелем храма и благочинным округа и только в мае сего года удалился на покой. Отпевание совершали десять священников. После отпевания гроб с телом почившего был отнесен священниками до могилы и предан земле.

ПРЕБЫВАНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЬШЕ

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в первых числах сентября делегация Русской Православной Церкви посетила Православную Церковь в Польше.

В состав делегации входили: Митрополит Ленинградский и Ладожский Питирим (глава делегации), архиепископ Львовский и Тернопольский Палладий, епископ Бобруйский Леонтий, управляющий делами Патриаршего Экзархата Украины протоиерей Н. Скоропостижный и настоятель храма свв. апп. Петра и Павла в Москве протоиерей М. Стаднюк.

Мы вылетели из Москвы в пятницу 4 сентября и спустя четыре часа уже были около Варшавы на аэродроме «Окенце». Здесь нас торжественно встречали епископы Православной Церкви в Польше, столичное православное духовенство, представитель Управления по вероисповедным делам, профессорско-преподавательский состав Православной секции Христианской богословской академии и Варшавской православной духовной семинарии, некоторые студенты и воспитанники названных учебных заведений, а также представители общественности.

По пути в гостиницу «Полония», где должна была остановиться наша церковная делегация, мы имели возможность увидеть созидательный труд польского народа, который в короткий срок из руин и пепла поднял свою столицу — Варшаву. Мы проезжали по широким зеленым проспектам и улицам, где выросли прекрасные архитектурные ансамбли жилых и административных зданий, среди которых как символ нерушимой дружбы между польским и советским народами высится здание Дворца культуры и науки — дар советского народа польскому народу.

На следующий день после нашего прибытия делегация нанесла визит Главе Православной Церкви в Польше Блаженнейшему Митрополиту Макарию, а также визит в Посольство СССР.

Воскресенье 6 сентября можно назвать праздником молитвенного общения Русской и Польской православных церквей. В этот день в варшавском митрополичьем соборе во имя св. Марии Магдалины иерархи Русской и Польской православных церквей совместно совершили Божественную литургию.

В своей приветственной речи за этой литургией глава нашей делегации Митрополит Питирим особо подчеркнул, что православные люди, живущие как в России, так и в Польше, объединены в одну великую христианскую семью. Их соединяет, сказал он, православная вера, и эта вера является основой для того, чтобы всем нам жить в мире и любви, дружбе и взаимопонимании.

По окончании Божественной литургии в митрополичьих покоях в честь делегации состоялся прием, который прошел в весьма друже-

ственной и сердечной обстановке. В этот же самый день вечером Блаженнейший Митрополит Макарий нанес ответный визит делегации Русской Православной Церкви в гостинице «Полония».

Молитвенное общение делегации Русской Православной Церкви с братской Православной Церковью в Польше, участие в торжественных богослужениях было основной целью нашего ответного визита. В план пребывания делегации входило посещение храмов и монастырей в городах и селах: во Вроцлаве и Санке, Лодзи и Городке, Сосновце и Заблудове, Кракове и Бельске, Белостоке и Люблине, Холме и Королевом Мосте, Яблочине и на Святой горе Грабарке.

Все православные храмы в Польше находятся в прекрасном состоянии. Все они несут на себе следы заботливого и любовного отношения прихожан и духовенства: отремонтированы, светлы, чисты, многие храмы внутри хорошо расписаны. Особенно хорош только что законченный строительством храм в Городке. Придорожные кресты и часовни утопают в живых цветах.

Везде, где бы ни появлялась делегация Русской Православной Церкви, ее встречали с особой любезностью и вниманием, а в православных приходах — весьма восторженно. На встречу выходили крестные ходы. По пути следования от автомобилей в храм постилались дорожки. Около храмов на специально устроенных арках помещались надписи: «Благословен грядый во имя Господне», «Ис полла эти деспота», «Добро пожаловать, архиереи». При входе в храм по древнему русскому обычаю церковные старосты преподносили хлеб-соль, а настоятели храмов приветствовали нас, как посланцев Святейшего Патриарха, теплыми речами.

Если наше посещение того или иного храма совпадало с воскресным или праздничным днем, то мы обычно вместе с местным православным духовенством совершали Божественную литургию, за которой кто-либо из членов делегации в епископском сане после Евангелия или за причастного стиха обращался к молящимся со словом поучения. В конце богослужений глава делегации Митрополит Питирим обычно произносил приветственную речь, в которой передавал благословение Патриарха Московского и всея Руси и призывал всех укреплять узы дружбы, существующие между польским и советским народами, скрепленные кровью лучших сынов, павших на полях последней войны, в борьбе против общего врага, призывал укреплять связь между нашими церквями и воплощать в жизнь высокие христианские идеалы мира и любви.

Эти совместные богослужения и вообще посещения храмов привлекали большое количество людей. Особенно многочисленны были собрания верующих в городах Белостоке и Бельске, где преобладает православное население.

Из всего виденного нами надо особо отметить яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь — один из древнейших памятников Православия в Холмско-Подляшском крае. Он существует уже около 500 лет и дорог нам тем, что всегда был верен Православию.

В Белостокском воеводстве, на Святой горе Грабарке, почитаемой православными издревле, в 1947 году основан женский монастырь. В день храмового праздника Преображения Господня стекается сюда множество богомольцев из разных мест. Существует обычай ставить на Святой горе Грабарке кресты, как выражение жертвы Богу.

Несколько слов о православных духовно-учебных заведениях в Варшаве. Варшавская духовная семинария живет полнокровной и полноценной жизнью, имеет хороший храм, хорошие светлые комнаты для занятий, столовую, спальные помещения и библиотеку. Воспитанники хорошо одеты, учтивы в обращении. Во время молебна они замечательно исполняли церковные песнопения.

В здании Варшавской духовной семинарии находится и Православная секция Христианской богословской академии, которая ставит перед собой благородную задачу — подготовить добрых пастырей Православной Церкви, не только образованных, но и преданных своей вере и православным традициям. Так как учебные занятия в духовной школе, как и вообще во всех высших учебных заведениях Польши, начинаются с 1 октября, то нам не удалось встретиться со всем коллективом учащихся, а только лишь с некоторыми студентами.

Тепло прошла наша встреча с воспитанниками Варшавской духовной семинарии. Митрополит Питирим в своем выступлении нарисовал образ истинного пастыря Церкви, какими и должны быть в будущем все воспитанники семинарии, а архиепископ Палладий сказал о пастыре, как благовестнике Слова Божия. Затем мы выслушали доклад ректора Варшавской семинарии прот. С. Железняковича о жизни духовной школы, после чего выступил автор этих строк и рассказал о постановке образования в духовных школах Русской Православной Церкви.

Во время нашего пребывания мы посетили кладбище советских воинов, павших во вроцлавских боях и в боях за освобождение Варшавы. Память борцов за свободу мы почтили минутой молчания и возложили венок. Следует отметить, что кладбища содержатся в идеальном порядке. Мы также возложили венок на могилу «Неизвестного солдата» в Варшаве и расписались в книге почетных посетителей.

Мы интересовались достопримечательностями страны и культурными ценностями польского народа. С этой целью мы посетили силезский музей в г. Вроцлаве, где видели много интересных экспонатов. Наибольшее внимание мы уделили знакомству с г. Краковом — колыбелью польской культуры. Здесь мы осмотрели местный Кремль — холм Вавель с его собором и палатами бывшего королевского дворца, с гробницами королей, епископов и полководцев. Мы осмотрели Барбакан и Флорианские ворота, Суkenницы, Ягеллонский университет; посетили костелы — св. Анны, св. Марии (Мариакский) со знаменитым алтарем Вита Ствоша и другие храмы, а на Скалке — гробницы великих сынов польского народа.

Посетили мы также и Освенцим — «лагерь смерти», где мученически погибло несколько миллионов борцов с гитлеризмом, стариков-инвалидов, женщин и детей из разных стран мира, осмотрели казематы лагеря, одиночные камеры (каменные мешки), камеру-баню и крематорий, где сжигали удушенных газом. Затем мы возложили венок у стены, где производился расстрел военнопленных, и там же пропели погибшим «вечную память».

В последние дни нашего пребывания в Польше мы посетили Управление по вероисповедным делам при Совете Министров, где были приняты заместителем директора Управления Лехом и начальником отдела Воловичем, которые рассказали нам о том, как удовлетворяются в Польше нужды Православной Церкви.

Время пребывания делегации приближалось к концу. 17 сентября мы прибыли в митрополичий собор, где нас встретил Блаженнейший Митрополит Макарий. Настоятель собора протопресвитер о. Вл. Вежанский совершил молебен в путь шествующим, после чего обратился к нам с прощальной речью. Он просил делегацию передать Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию благодарность за присылку нашей делегации и выразил признательность нам за понесенный труд при посещении отдаленных уголков жительства православных христиан.

В ответном слове Высокопреосвященный Митрополит Питирим обещал передать Святейшему Патриарху Алексию те добрые слова любви, которых так много было высказано в его адрес в течение всего пребывания делегации в Польше. Обращаясь к собравшимся в храм

верующим, он призывал их быть верными и стойкими сынами православной веры до конца дней земного бытия и затем передал им благословение от Святейшего Патриарха Алексия.

Из собора делегация направилась в митрополичьи покои, где Блаженнейший Митрополит Макарий устроил в честь гостей большой прием. За трапезой произносили тосты Блаженнейший Митрополит Макарий и архиепископ Львовский Палладий. Поблагодарив высокого хозяина, епископат, духовенство, профессорско-преподавательский состав православных учебных заведений и сотрудников Митрополии за радушное гостеприимство, делегация возвратилась в гостиницу.

18 сентября, сопровождаемые представителями епископата и приходского духовенства, мы отбыли на аэродром «Окенце». Сюда провожать нас прибыли Блаженнейший Митрополит Макарий, представитель Посольства СССР, представитель Управления по вероисповедным делам, профессорско-преподавательский состав Православной секции Христианской богословской академии и Варшавской духовной семинарии, сотрудники Митрополии и многочисленные представители церковных общин. В дружеской беседе прошли последние минуты нашего пребывания в Польше. В 15 часов самолет поднялся в воздух и взял курс на Москву.

Спустя четыре часа мы приземлились в Москве на Внуковском аэродроме, где нас встретили представитель Патриархии архимандрит Никодим и другие сотрудники Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии.

В заключение можно сказать, что все это пребывание нашей делегации с ответным дружеским визитом было весьма приятным и полезным. Мы ознакомились со всеми сторонами жизни Православной Церкви в Польше. Мы видели, как она осуществляет свое управление и канонически отвечает всем требованиям автокефалии, имея все условия к дальнейшему процветанию и развитию. Нужно пожелать, чтобы общение между нашими церквями ширилось и укреплялось, ибо в единении церквей — сила великой христианской семьи.

Леонтий,
епископ Бобруйский

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА — ГОСТИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Одиннадцать дней, с 10 по 21 октября сего года, по приглашению Московской Патриархии в Советском Союзе гостила группа пасторов и других религиозных деятелей из Западного Берлина. В состав делегации входили ректор Евангелической академии в Берлине Э. Мюллер-Ганглофф (глава делегации), пастор из Целендорфа И. Канитц, пастор общины св. Павла в Северном Берлине Г. Юргенс, пастор К. Петерсен, пастор из Шарлоттенбурга В. Мехлер, пастор из Берлина-Бранденбурга Г. Шладебах, пастор из церкви Эммаус в Берлине В. Боек, американский пастор из Берлина Г. Небельсик, голландский пастор — преподаватель катихизиса в гимназии Берлина И. Зиецен, vikарий Евангелической академии в Берлине М. Лахузен, пастор внутренней миссии в Берлине И. Шарфенберг, пастор голландской общины в Берлине А. Е. Рюис, пастор-vikарий церкви в Берлине-Бранденбурге Р. Вендланд и г-жа В. Хаммерштейн.

Члены делегации принадлежат к разным течениям протестантизма. В числе гостей были представители кальвинистско-реформатских общин, находящихся в интеркоммунионе с евангелическо-лютеранскими общинами.

ГРУППА ДЕЯТЕЛЕЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ ИЗ ЗАП. БЕРЛИНА
НА ПРИЕМЕ В МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Для встречи гостей на Белорусский вокзал прибыли представители Московской Патриархии: ректор Московской духовной академии прот. К. И. Ружицкий, протоиерей П. К. Статов и член Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии А. С. Бувеский. Гости также встречали представители Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР П. В. Макарцев и Л. А. Середа и представитель Советского комитета защиты мира Л. К. Макарченков.

По приезде в Москву гости остановились в гостинице «Ленинградская».

Свой первый официальный визит гости нанесли Московской Патриархии, где они были приняты заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии архимандритом Никодимом. Приветствуя гостей с благополучным прибытием в Москву, архимандрит Никодим предложил им принять участие в составлении программы их пребывания в нашей стране.

Программа была составлена в соответствии с желанием гостей как можно больше и ближе ознакомиться с жизнью Русской Православной Церкви, с ее плодотворной деятельностью в защиту мира и с нашей страной вообще.

На протяжении одиннадцатидневного пребывания в нашей стране деятели Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии посетили многие храмы в Москве и Ленинграде и неоднократно присутствовали за торжественными богослужениями, причем впервые были за православной архиерейской литургией — в день Святителей Московских в Богоявленском патриаршем соборе в Москве, по окончании которой Святейший Патриарх Алексий совершил молебен.

Во всех храмах Москвы и Ленинграда внимание гостей привлекали красота богослужений, благолепие, прекрасное пение церковных хоров и большое количество молящихся. Особенно большое впечатление на членов делегации произвело общее пение верующими за Божественной литургией «Символа веры» и «Отче наш», а за всенощным бдением «Воскресение Христово видевше».

18 октября делегацию принял Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий в своей загородной резиденции и имел с членами делегации краткую беседу.

В Ленинграде они посетили Митрополита Ленинградского и Ладожского Питирима, который подробно рассказал о положении Русской Православной Церкви в СССР и о ее участии в борьбе за мир.

Ставя перед собой главную цель — ознакомиться с жизнью Русской Православной Церкви, гости встречались и вели беседы с духовенством и профессорами-богословами. Они имели продолжительную беседу с профессорами Ленинградской духовной академии и семинарии о проповеднической практике в настоящее время в Русской Православной Церкви; их интересовало также духовно-пастырское попечение духовенства о своих верующих.

Беседы, начатые в Ленинградской духовной академии, члены делегации продолжили при встрече с профессорами-богословами Московской духовной академии, где гостей приветствовал ректор академии протоиерей К. И. Ружицкий. Отвечая на приветствие, глава делегации г-н Мюллер благодарил о. ректора за теплую встречу и просил дать возможность членам делегации шире ознакомиться с жизнью и работой академии.

Непринужденно и дружелюбно гости беседовали в академии с профессорами. Они прослушали ряд духовных песнопений академического хора и с живым интересом ознакомились с академическим храмом, археологическим кабинетом и другими помещениями. С большим вниманием пасторы осмотрели древние храмы Троице-Сергиевой Лавры.

Во время своего пребывания в Москве члены делегации посетили также Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов, присутствовали у них на молитвенном собрании и имели с руководящими лицами беседу.

Помимо посещения храмов, встреч и бесед с духовными лицами, пастыри посетили Кремль, Третьяковскую галерею, осмотрели новое здание Московского государственного университета имени Ломоносова, где имели продолжительную беседу с проректором университета.

С большим интересом гости ознакомились с Московским коксогазовым заводом, посетили один из детских садов, среднюю школу и другие учреждения.

Пасторов дважды принимали и имели с ними продолжительные беседы работники Советского комитета защиты мира.

20 октября Московская Патриархия устроила в честь гостей прощальный ужин в гостинице «Ленинградская», на котором от Московской Патриархии присутствовали: заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений архимандрит Никодим, прот. П. К. Статов, ответственный секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии» А. В. Ведерников, члены Отдела внешних церковных сношений А. С. Бувеский и Б. С. Кудинкин. За ужином был генеральный секретарь Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов А. В. Карев. Присутствовали также представители Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР П. В. Макаревич и Л. А. Середа и сотрудники Советского комитета защиты мира Л. К. Макаренков и В. В. Поляковский.

Во время ужина глава делегации г-н Мюллер сказал, обращаясь к архимандриту Никодиму:

«Прошу Вас передать большую благодарность высшему церковному руководству и верующим. Вы радушно приняли нас, дозволив нам видеть святыни Ваших храмов. Вы с исключительным дружелюбием ответили нам на все наши вопросы. Вы показали нам очень много, оказывая при этом такое великодушие и гостеприимство, какого мы нигде и никогда не встречали».

21 октября гости отбыли к себе на родину.

По прибытии на родину глава делегации д-р Эрик Мюллер-Ганглофф от имени всех членов делегации прислал телеграмму на имя архимандрита Никодима следующего содержания:

«По возвращении нашей делегации домой мы выражаем еще раз нашу сердечную благодарность за исключительное радушие. С братской любовью и признательностью от имени всей группы Эрик Мюллер-Ганглофф».

Б. Кудинкин,
кандидат богословия

ЛИТУРГИЯ ШВЕДСКОЙ ЦЕРКВИ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

Как уже сообщалось на страницах «Журнала Московской Патриархии» (№ 7, 1959 г.), в конце мая и начале июня текущего года гостями Русской Православной Церкви были деятели Шведской Церкви во главе с деканом (настоятелем) Упсальского кафедрального собора Олле Герлином. За время своего пребывания у нас они не раз присутствовали за нашими православными богослужениями.

В последний день своего пребывания в Москве, перед отбытием в Ленинград, шведские гости пожелали отслужить литургию по чину их Церкви. И в помещении Лопухинского корпуса б. Новодевичьего

монастыря, в зале Московского епархиального управления, они отслужили свою литургию в присутствии сопровождавших их лиц ст Московской Патриархии, работников Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии и редакции «Журнала Московской Патриархии».

Точно так же и в Ленинграде гости служили свою литургию в зале Ленинградской духовной академии. За этой литургией присутствовали ректор и инспектор Ленинградской духовной академии и семинарии, представители ленинградского духовенства и епархиального управления и сопровождавшие делегацию лица.

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА В МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

10 сентября в Московской духовной академии и семинарии начался новый учебный год.

По давно сложившейся традиции в канун начала лекций и уроков все учащие и учащиеся во главе с администрацией академии собрались в благолепном храме академии. После Божественной литургии был совершен молебен. Ректор академии протоиерей К. И. Ружицкий произнес слово к учащимся. В этот же день были молитвенно помянуты все почившие наставники у надгробия на академическом кладбище.

Затем администрация, преподаватели и учащиеся направились ко гробу Преподобного Сергия, под сень древнего Троицкого собора, для общей молитвы перед началом учения.

Долго звучало молитвенное пение под сводами Троицкого собора, долго тянулась цепочка юношей, с верой и любовью склонявших колена перед мощами Преподобного Сергия, покровителя московских духовных школ.

Затем все учащиеся собрались в Актовом зале академии. Здесь был прочитан текст телеграммы Святейшему Патриарху Алексию, который окружает постоянным отеческим вниманием жизнь академии и семинарии. Испрашивая благословение Святейшего Патриарха на предстоящие труды, администрация академии сообщала в телеграмме об успешном окончании приемных испытаний, о количестве вновь принятых учащихся академии и семинарии и о начале учебных занятий.

После чтения телеграммы и. д. инспектора иеромонах Питирим прочитал учащимся правила внутреннего распорядка духовной школы. В аудиториях и классах классные наставники провели с учащимися беседы. А на следующий день начались лекции и уроки.

Так московские высшая и средняя духовные школы вступили в новый год своей деятельности. Оживленно стало в аудиториях и классах. Светлые залы библиотеки заполнились воспитанниками, поступившими в первый класс семинарии, и старшими студентами, работающими над курсовыми сочинениями.

Многие поколения учащихся и учащихся прошли свое учебное поприще в старых стенах академии. Целый сонм иерархов, пастырей, мужей богословской науки и различных деятелей на ниве церковной вырастила за свою более чем вековую историю академия. В ее стенах сохраняется студенческая комната, в которой 55 лет назад жил юный иеромонах Алексей — студент академии, ныне здравствующий Святейший Патриарх Алексий.

Ежегодно академия и семинария в лице своих выпускников пополняют ряды духовенства Русской Православной Церкви; богословское образование в академии получают также студенты, прибывшие из-за

границы. В ней повышают свой богословско-образовательный ценз стипендиаты из духовных академий других стран. Так, в минувшем году академия присудила степень кандидата богословия двум профессорским стипендиатам из Болгарии, студентам из Чехословакии и Польши. Питомцы, покидающие стены академии, сердечно благодарили ее, направляясь на практическую работу.

...Пожелтели пышные кроны лаврских деревьев, еще живописнее выглядят на фоне осени величественные храмы обители.

Часто посещают священную Лавру гости из разных стран. Большой интерес вызывает у них жизнь духовных школ в нашей стране. Здесь, в Лавре, все они видят, как полнокровно и содержательно проходит жизнь духовной академии и семинарии.

А. Остапов,
доцент Моск. дух. академии

ПРАЗДНИК МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

1/14 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы, Московская духовная академия отмечала престольный праздник своего академического храма. В этот же день состоялся торжественный традиционный годичный акт.

Накануне этого празднества были совершены поминовение почивших наставников академии, а затем всенощное бдение.

В этом году академический праздник, как и в прошлые годы, возглавил Святейший Патриарх Алексий: он выходил на полиелей за всенощным бдением и совершил молебен после Божественной литургии в самый день праздника.

За молебном Святейшему Патриарху сослужили архиепископ Саратовский и Сталинградский Палладий и епископ Новгородский и Старорусский Сергей, а также академическое духовенство во главе с ректором академии протоиереем К. Ружицким и заместителем Лавры архимандритом Пименом (Хмелевским).

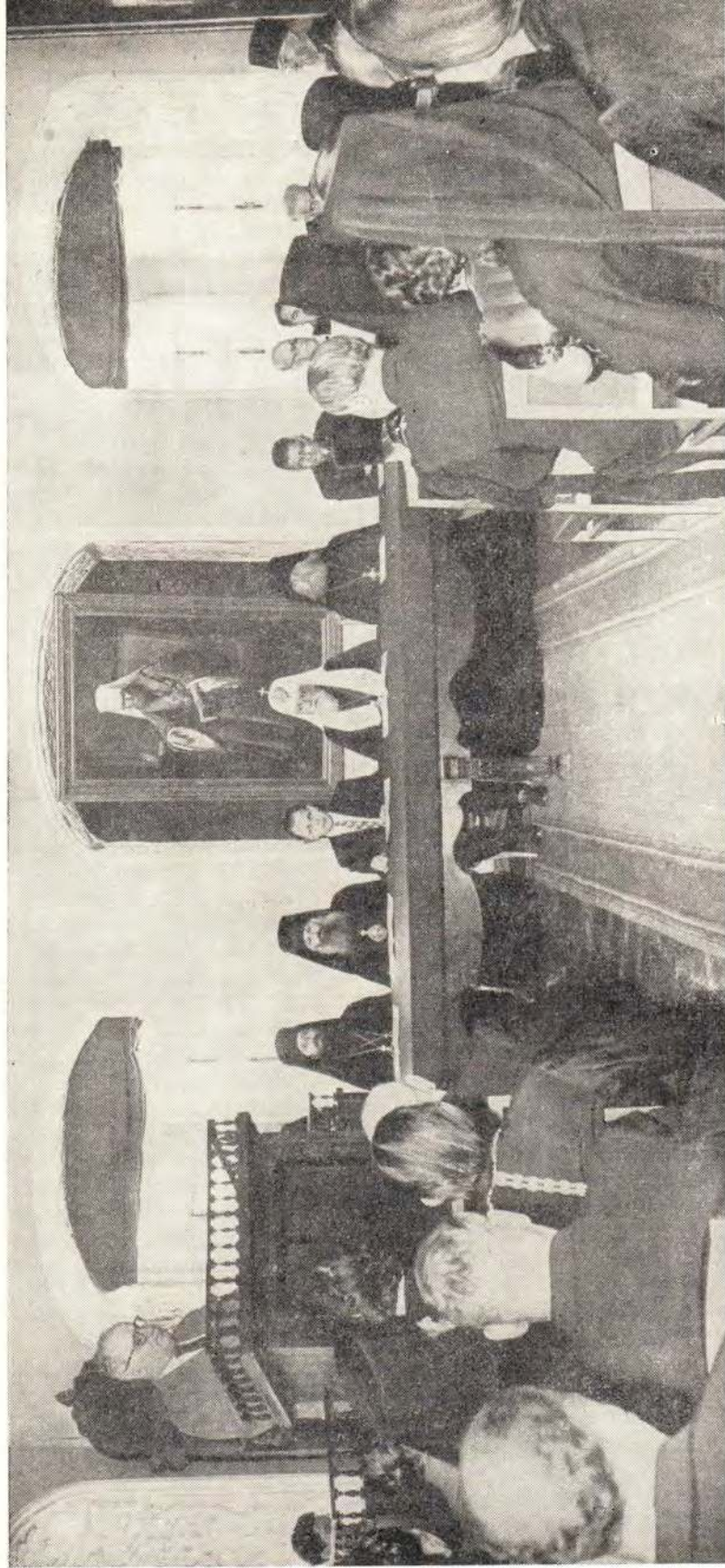
Перед началом молебна Святейший Патриарх Алексий в мантии и куколе обратился к учащимся с поучением, в котором напомнил, что из стен Московской духовной академии, устроенной в Троице-Сергиевой Лавре 145 лет тому назад, вышло немало выдающихся иерархов и других деятелей Русской Православной Церкви. Он подчеркнул также, что мудрые устроители академии посвятили ее Божией Матери и поручили Ее всемогущему ограждающему и охраняющему Покрову. Многие скорби пронесли с тех пор над страной нашей и над Лаврой Преподобного Сергия, но благословением Пресвятой Богородицы духовная школа живет и готовит будущих пастырей Церкви. Святейший Патриарх призвал учащихся быть достойными продолжателями дела своих славных предшественников, усердно приобретать знания и помнить, что жизнь учащихся духовной школы должна по нравственной чистоте соответствовать высоким идеалам пастырского призвания.

В этот день за усердное служение Церкви Божией ректор академии протоиерей К. Ружицкий был награжден правом ношения Патриаршего креста, профессор-протоиерей И. Козлов — правом служения литургии с отверстыми царскими вратами до херувимской песни, а старший помощник инспектора, преподаватель академии иеромонах Павел (Петров) — крестом с украшениями.

На академический праздник прибыли многочисленные гости: представители московского духовенства, настоятель подворья Болгарской Православной Церкви в Москве архимандрит Антоний, работники Московской Патриархии. Гостем академии был в этот день пастор Уфф-Хансен из Дании.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ СОВЕРШАЕТ МОЛБЕН ПОСЛЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ В ХРАМЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ДЕНЬ ПОКРОВА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ 1/14 октября 1959 года

В 13 часов дня начался годичный акт академии. Ректор академии протоиерей К. Ружицкий предоставил слово для годового отчета за минувший 1958/59 учебный год секретарю Совета академии доценту А. Д. Остапову, после чего с актовой речью на тему «Киевская и всея Руси Митрополия в 1378—1390 гг. (от кончины св. Митрополита Алексия до вступления на Митрополию св. Митрополита Киприана)» выступил профессор И. Н. Шабатин. После официальной части акта состоялся концерт. Силами учащихся были исполнены церковные песнопения и русские народные песни. Музыкальный кружок также показал свои успехи. Святейший Патриарх Алексий поблагодарил участников концерта и преподал всем общее благословение.

Праздничной трапезой закончился этот знаменательный в жизни московских духовных школ день.

В адрес академии к этому дню поступили многочисленные поздравительные телеграммы от иерархов Русской Православной Церкви, от Ленинградских академии и семинарии, а также от других семинарий и от многих бывших питомцев Московской духовной академии.

Святейший Патриарх Алексий оставил запись в книге почетных посетителей академии.

Доцент А. Остапов,
секретарь Совета
Моск. дух. академии

ГОДИЧНЫЙ АКТ В ЛЕНИНГРАДСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

9 октября 1959 года, в день храмового праздника святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в Ленинградской духовной академии и семинарии состоялся традиционный годичный акт. В тот же день Ленинградская — бывш. Петербургская — духовная семинария скромно отмечала столетие юбилей со времени своего основания.

Накануне праздника, после занятий, ректором академии и семинарии протоиереем М. Сперанским, в сослужении академического духовенства, была совершена в академическом храме панихида с поминовением всех почивших деятелей академии и семинарии: начальников, профессоров, преподавателей, учащихся и служащих. Перед панихидой о. ректор произнес краткое прочувствованное слово, посвященное памяти прежних тружеников на ниве духовного просвещения, своей жизнью и деятельностью создавших славное академическое прошлое и оставивших нам в своих научных трудах большое духовное наследство. В своем слове о. ректор призвал учащихся и учащихся вознести горячие молитвы, чтобы милосердный Господь упокоил в Своих селениях праведных всех, прежде подвизавшихся на ниве духовного образования, а нас сподобил незабвенно помнить о них и быть достойными продолжателями их высокого подвига служения Церкви и Родине.

Вечером того же дня в академическом храме Высокопреосвященным Питиримом, Митрополитом Ленинградским и Ладожским, было совершено торжественное всенощное бдение.

В самый день праздника Высокопреосвященный Питирим в том же академическом храме совершил в сослужении академического духовенства Божественную литургию, перед которой 13 воспитанников IV класса семинарии были посвящены в стихарь, а во время литургии был рукоположен студент академии диакон Иоанн Трошин в сан иерея. По запричастном стихе доцент академии свящ. И. Белевцев произнес

проповедь о св. апостоле и евангелисте Иоанне Богослове — небесном покровителе богословской науки и учителе христианской любви.

После литургии Митрополит Питирим совершил молебен в сослужении академического и городского духовенства и многих иногородних священнослужителей, бывших питомцев Ленинградской академии и семинарии. По окончании молебна он обратился к молящимся с архипастырским словом, в котором указал, какой великий пример истинного пастыря, достойный подражания, явил всей своей жизнью и деятельностью св. апостол и евангелист Иоанн Богослов. Будучи великим богословом, евангелист Иоанн гармонически сочетал в себе богословские знания с горячей любовью к Господу и ближним своим. «Будьте и вы, — говорил Владыка, обращаясь к учащимся академии и семинарии, — достойными подражателями вашего небесного покровителя. Вот вы изучаете истины христианского богословия, и эти знания являются основными вашими знаниями, чтобы вы потом могли научить паству свою всем истинам христианской религии и дать ответ всем вопрошающим о нашем уповании. Но берегитесь, чтобы усвоение вами богословских истин не носило схоластический характер, не было бы отвлеченной теорией богословских истин. Нужно, чтобы при изучении христианских истин участвовал не только ум ваш, но и сердце ваше, чтобы богословские истины одухотворялись христианской любовью». Проследив дальше весь путь пастырского служения апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Высокопреосвященный Питирим заключил свою речь такими словами: «Вся жизнь апостола Иоанна Богослова была выражением того духа любви, сохранять который между собой заповедал христианам Спаситель. Душа наперсника Христова всецело была объята любовью к Богу, и никакие земные привязанности не в силах были отвлечь его от апостольского служения. Он был истинным пастырем, готовым положить душу свою за словесных овец стада Христова. Вся жизнь Иоанна Богослова состояла из подвигов горячей и деятельной любви к ближним».

В два часа дня, после общей трапезы, в актовом зале академии начался торжественный годичный акт в присутствии Высокопреосвященного Питирима, Митрополита Ленинградского и Ладожского, и многочисленных гостей. Слово для доклада по годовому отчету академии и семинарии за 1958/59 учебный год предоставлено было инспектору академии проф. Л. Н. Парийскому. Докладчик вначале коснулся тех изменений, которые произошли в жизни академии и семинарии за истекший год. Он сообщил, что 27 марта 1959 года неожиданно скончался почетный член академии Митрополит Ленинградский и Ладожский Елевферий, в лице которого академия потеряла дорогого архипастыря, много потрудившегося для ее пользы. Собрание почтило память почившего пением «вечная память». Затем докладчик зачитал постановление Совета Ленинградской духовной академии от 13 июня 1959 года об избрании почетным членом академии Высокопреосвященного Питирима, Митрополита Ленинградского и Ладожского, каковое постановление по ходатайству Учебного комитета при Священном Синоде было утверждено резолюцией Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия от 10 августа 1959 года. Вручая диплом Высокопреосвященному Питириму на высокое звание почетного члена академии, о. ректор сказал краткое слово, в котором осветил заслуги Митрополита перед Русской Православной Церковью. В ответном слове Высокопреосвященный Питирим выразил благодарность Совету академии за честь избрания его почетным членом академии. Далее проф. Л. Н. Парийский кратко остановился на ученой, учебно-воспитательной и общественной работе ленинградских духовных школ. Он отметил, между прочим, что в течение истекшего учебного года академию посетило 25 групп иностранцев из Европы, Америки, Азии и Аф-

рики, состоялось восемь заграничных командировок и поддерживались широкие письменные связи с богословскими учреждениями и организациями Запада.

Во время той части доклада, где говорилось об успеваемости учащихся, Митрополит Питирим вручил отличникам-студентам академии и воспитанникам семинарии книги «Новый Завет» на русском языке с соответствующими надписями.

ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
ВО ВРЕМЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО АКТА

По окончании доклада о. ректор академии снова предоставил слово проф. Л. Н. Парийскому, который зачитал составленную им, по поручению Совета, краткую историческую записку о жизни и деятельности Ленинградской — бывш. Петербургской — духовной семинарии в связи со 150-летним юбилеем со времени ее основания. В своей записке автор отметил ряд выдающихся церковных деятелей и крупных ученых из числа воспитанников семинарии и ее преподавателей.

После этого секретарь Совета проф. А. И. Иванов огласил приветственные телеграммы: от Святейшего Патриарха Алексия: «Приветствую с праздником академию и семинарию. Призываю на учащихся и учащихся Божие благословение и покров святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова»; от Высокопреосвященного Николая, Митрополита Крутицкого и Коломенского: «Всею душой присутствую на Вашем торжестве по случаю престольного праздника и юбилея, горячо благодарю за молитвы и пожелания, да процветает моя дорогая Alma mater, да будет благословение Божие над преподавателями и учащимися, да выпускает наша школа новые и новые кадры достойных пастырей»; от Учебного комитета при Священном Синоде: «Учебный комитет сердечно приветствует ректора, инспектора, секретаря и всех учащихся и учащихся с храмовым праздником Академического храма и желает Ленинградской духовной академии и семинарии процветания в деле подготовки пастырей Христовой Церкви»; от Московской духовной академии: «Профессора, преподаватели и учащиеся Москов-

ской духовной академии и семинарии сердечно поздравляют Ленинградскую академию и семинарию с радостным днем храмового праздника, желают процветания на ниве духовного просвещения; наилучших успехов в высоком служении Русской Православной Церкви и великой нашей Родине», а также поздравления от многих бывших питомцев академии и семинарии.

Торжество закончилось пением нескольких стихир праздника и «Достойно есть», после чего Высокопреосвященный Митрополит Питирим преподал общее благословение.

А. Иванов,
проф. Лен. дух. академии

К 150-ЛЕТИЮ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ИЗ РЕЧИ

**ИНСПЕКТОРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ
Л. Н. ПАРИЙСКОГО,
ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ
9 октября (26 сентября) 1959 года**

Ваше Высокопреосвященство, уважаемое собрание, дорогие студенты академии и воспитанники семинарии!

Сегодня мы отмечаем 150-летие со дня основания духовной семинарии в нашем городе.

Относительно этой даты уместно сделать два примечания:

Во-первых, действительный день открытия семинарии был не 26 сентября 1809 года, а несколько раньше — 1 марта 1809 года, в понедельник на 4-й седмице Великого поста, но 50-летие семинарии и потом ее 100-летие отмечались в день престольного праздника семинарии — 26 сентября. Следуя этой традиции, и мы отмечаем 150-летие нашей *Almae matris* в день ее престольного праздника.

Во-вторых, нельзя думать, что до 1809 года в нашей епархии не было духовной школы, потому что в 1721 году при лавре была открыта «Словенская школа для обучения юных детей чтению и письму». А спустя четыре года, в 1725 году, в этой школе было введено преподавание греческого и латинского языков, и она была переименована в «Алекسانдро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию», с восьмилетним курсом обучения, для приготовления достойных служителей Святой Церкви.

Первая семинария помещалась на северном берегу Черной речки (Монастырки) у Невского проспекта, возможно, там, где впоследствии был конюшенный двор (теперь это против 2-го Лаврского моста). С 1741 года по 1775 год семинария находилась в специально выстроенном для нее доме по Шлиссельбургскому тракту (теперь проспект Обуховской обороны) за бывш. Стекольным заводом. Затем она была переведена в Феодоровский корпус Александро-Невской лавры.

В 1788 году, при митрополите Гаврииле (Петрове), семинария стала называться «Главной семинарией», в которую присылались лучшие воспитанники из многих провинциальных семинарий. Теперь в задачу семинарии вошло приготовление наставников для духовных училищ Петербургской, Новгородской и других епархий.

В 1798 году Главная семинария была переименована в «Алекسانдро-Невскую духовную академию». В нее принимались мальчики от 9 лет. Курс обучения был рассчитан на 10 лет. В 1809 году произошло разделение этой школы на три совершенно отдельные учебные заведе-

ния: низшее — духовное училище с четырьмя годами обучения, среднее — духовную семинарию с шестигодичным курсом и высшее — духовную академию с четырьмя годами обучения.

С.-Петербургская духовная семинария явилась первой из всех семинарий, преобразованных на основе реформы духовной школы 1808 года. Со дня открытия, 1 марта 1809 года, она в течение десяти лет пребывала вместе с духовной академией в Феодоровском корпусе лавры и в одноэтажном корпусе с башней, посредине, находящемся между Феодоровской церковью и угловой юго-западной башней. Когда в 1819 году академия перешла в новое здание на Обводном канале, в нижний этаж Феодоровского корпуса поместили малолетних певчих митрополичьего хора.

В 1827 году правление семинарии доложило митрополиту Серафиму, что жить семинарии вместе с духовным училищем и певчими митрополичьего хора крайне неудобно и тесно. После долгих суждений о месте постройки семинарии и плане здания в 1841 году было воздвигнуто на углу Обводного канала и Черной речки (Монастырки) теперешнее здание семинарии. Это здание имело тогда три этажа, не считая подвала.

В подвальном этаже располагались кухня, хлебопекарня, водокачка, швальня, помещения для служителей и воскресная школа; на первом этаже — квартиры администрации семинарии, библиотека, столовая, буфетная, гимнастический зал, приемная комната; на втором этаже, где теперь актовъ зал, была церковь, освященная 26 сентября 1841 года во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова; на этом же этаже помещались классы, правление семинарии и квартира пом. инспектора, а на третьем этаже — спальные комнаты. За зданием была лужайка. За лужайкой тянулось болото. Семинария устроила на нем сад и выкопала пруд.

В 1858 году перед главным зданием были построены преподавательские флигели. Между ними разбиты два садика. В 80-е годы у ворот с правой стороны, была построена деревянная изящная звонница.

В 1881 году на дворе семинарии построили одноэтажное здание для больницы. Затем оно было увеличено пристройками и надстройками. Теперь это жилой флигель для служащих, там же — отделение библиотеки и гараж. В конце 80-х годов к середине здания со стороны двора была сделана пристройка, в которой находятся теперь церковь и столовая.

Четвертый этаж над главным корпусом выстроен в 1902 году. Небольшое двухэтажное здание, находящееся с правой стороны семинарии, было построено для образцовой школы в 1906 году.

*
* *

До 1815 года семинария имела два класса, каждый с двухгодичным курсом, а с 1815 года — три класса, или, как тогда говорили, три отделения, каждое с двухгодичным курсом: низшее, среднее и высшее. В низшем отделении изучались теория словесности, история русской и греко-римской литературы, гражданская история, математика и древние языки. Из богословских предметов здесь изучались законоположительные и исторические книги Священного Писания. В среднем отделении проходились философия, точнее, история философии, учительные и пророческие книги Священного Писания Ветхого Завета. В высшем отделении изучались Священное Писание Нового Завета и богословские науки, число которых постепенно увеличивалось. Тогда была введена в курс семинарии и патристика.

Преподавание богословия до 40-х годов велось на латинском языке.

преподаватели и ученики в классах должны были говорить между собой по-латыни. Печатных учебников было мало, учились большей частью по запискам преподавателей. Догматическое богословие изучалось по труду архиепископа Феофана Прокоповича, Священное Писание — по запискам митрополита Филарета.

Занимались ученики много; уроки начинались в 8 часов утра, ежедневно по расписанию было четыре урока, каждый урок по 2 часа. Кроме посещения уроков, учащиеся должны были писать сочинения и готовить уроки. Новые языки были необязательными. В 1844 году продолжительность урока была снижена на полчаса. Три урока были до обеда, а четвертый урок после обеда — с трех часов до половины пятого.

В 50-х годах по инициативе обер-прокурора Святейшего Синода Протасова были введены краткие курсы медицинских и сельскохозяйственных наук. На уроках физики и математики семинаристы учились составлять планы сельских храмов, домов для священников и служебных построек. На грядках семинарского огорода выращивали лекарственные растения. Число уроков было сокращено до трех.

После смерти обер-прокурора Протасова (1855 г.) изучение в семинарии медицинских и сельскохозяйственных наук было отменено. Новый устав 1867 года (при обер-прокуроре Толстом) за этот счет увеличил часы по древним (греческому и латинскому) языкам. Подверглись реформе и богословские предметы: пастырское богословие и каноническое право были объединены в один новый предмет — «Практическое руководство для пастырей». Патристика вошла в курс Церковной истории.

С 1870 года семинария стала разделяться на шесть классов, и выпуски стали производиться ежегодно, а не через год. Длительность уроков была снижена до одного часа.

Следующий устав 1884 года ослабил изучение древних языков и математики, но усилил изучение словесности, русской истории и богословских наук. Ввели новый предмет — педагогику, которую потом заменили дидактикой.

С течением времени устав 1884 года стал частично изменяться. Было усилено преподавание математики, гражданской истории и истории философии, психологии и логики. Предмет «Начальные основания философии» был оставлен. Упразднено преподавание Библейской истории как отдельного предмета. С 1906 года один из новых языков стал обязательным и введен новый предмет — гигиена. Установлен 5-часовой учебный день с продолжительностью учебного часа в 50 минут. Были организованы музыкальный и переплетный классы для желающих.

Оставляя в стороне решение вопроса, какой устав был полезнее для семинарии, нужно сказать, что каждый из них отражал дух своего времени. Творцы всех уставов были проникнуты желанием видеть С.-Петербургскую духовную семинарию образцовой, и Святейший Синод не жалел затрат на это дело. При всех уставах центральное место отводилось изучению богословских и церковно-исторических наук.

Во всякой школе не так важен объем официальной программы, как важны характер преподавания и личность преподавателя. Дело не в уставе, а в исполнителях. В этом отношении С.-Петербургская семинария всегда была на высоте. Во все времена своего существования, при всех уставах духовной школы, в ней находились выдающиеся деятели, высокообразованные, трудолюбивые, которые своим словом и примером воодушевляли учащихся. Это объясняется тем, что корпорация наставников и администрации семинарии всегда пополнялась лучшими силами из С.-Петербургской духовной академии. В числе руководителей семинарии были такие выдающиеся церковные деятели, как иеромонах

Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский, первый инспектор семинарии; его преемник инспектор иеромонах Феофан (Александров), впоследствии архимандрит; один из духовных композиторов инспектор иеромонах Иннокентий (Борисов), впоследствии знаменитый архиепископ Одесский; иеромонах Никанор (Бровкович), доктор богословия, впоследствии архиепископ Одесский. Кроме того, целый ряд петербургских митрополитов: митрополит Григорий I; митрополит Исидор; митрополит Палладий; митрополит Питирим I; митрополит Вениамин; митрополит Сергей Японский — все они в молодости занимали посты ректора или инспектора в Петербургской духовной семинарии.

Нельзя обойти молчанием еще двух инспекторов, не бывших в священном сане, но отдавших нашей семинарии лучшие годы своей жизни, — Мишина Александра Ивановича и Нечаева Петра Ивановича. А. И. Мишин окончил первым С.-Петербургскую духовную академию и пробыл инспектором семинарии и преподавателем патристики 16 лет: с 1841 по 1858 год. По выходе из семинарии он был выбран на должность профессора академии по церковному праву († 1859). П. И. Нечаев был первым выборным инспектором на основании устава 1867 года и первым преподавателем практического руководства в семинарии до 1888 года, а затем членом учебного комитета при Св. Синоде († 1906 г.). Эти два инспектора пользовались большой любовью и общим уважением и много принесли пользы семинарии.

Целый ряд крупных ученых, выдающихся профессоров вышли из числа воспитанников семинарии. Перечислим только некоторых: прот. Герасим Павский — ее воспитанник, впоследствии знаменитый профессор, гебраист, филолог, переводчик книг Священного Писания с еврейского на русский язык; архиепископ Одесский Никанор, проф. Барсов Н. И., проф.-прот. Налимов Тимофей и первый выборный ректор С.-Петербургской духовной академии архиепископ Владимирский Николай (Налимов); епископ Феофан (Быстров), ректор С.-Петербургской духовной академии; писатель Измайлов А. А.; прот. Философ Орнатский и множество других деятелей.

Вспомним на этом торжественном собрании и имена некоторых выдающихся преподавателей семинарии, впоследствии ставших известными всему богословскому миру и оставивших крупный след в богословских науках: Иоанн Соколов — доктор богословия, потом епископ Смоленский, авторитетнейший русский канонист; проф.-прот. Г. Павский; проф. Максимович; проф. Осинин И. Т. († 1887 г.); проф.-прот. Никольский К. Т. († 1911 г.); проф. Светилин А. Е. († 1887 г.); проф. Коялович М. А.; проф.-прот. Сидонский († 1873 г.); прот. Рождественский А. В. († 1897 г.); прот. Гумилевский А. В.; прот. Никитин Д. Я.; проф. Бронзов А. А. и другие. Имена их с перечислением их трудов вошли в энциклопедические словари.

В самые последние годы старая семинария имела в своих рядах таких глубоко преданных делу преподавателей, как, например, И. П. Щербов, проф.-прот. В. М. Верюжский, прот. А. В. Петровский, потом ставших профессорами, иеромонах Николай Ярушевич, теперь Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, и С. А. Купрессов, наш уважаемый профессор.

Трудами преподавателей С.-Петербургской семинарии вышли в свет многие ценные научные и богословские издания и учебники, например: «Практическое руководство для пастырей» П. И. Нечаева; коллективный труд трех преподавателей «Книга Правил Апостольских, Вселенских и Поместных Соборов»; труды прот. Г. Павского по переводу и изъяснению Священного Писания; труд ректора архимандрита Хрисанфа «Религия древнего мира»; учебник А. Е. Светилина по логике, учебник по Церковной истории епископа Иннокентия (Смирнова),

д-ра богословия, прот. державшийся в семинариях больше 50 лет, а также многие другие.

В семинарии прекрасно было поставлено церковное пение. Первым руководителем и регентом был (добровольно, не по назначению) незабвенный композитор архимандрит Феофан, а затем, в 20-х годах, приснопамятный прот. П. И. Турчанинов, он же регент митрополичьего хора. При митрополите Амвросии прот. П. Турчанинов устраивал концерты семинарского хора, усиленного митрополичьими певчими.

С 1853 года украшал семинарию своими музыкальными способностями М. П. Строкин. Свое музыкальное образование он получил в стенах семинарии и затем стал ее преподавателем. Он играл на рояле, скрипке и флейте, был талантливым духовным композитором. Вокруг него образовался музыкальный кружок семинаристов.

В течение долгого времени пение в семинарии находилось под благотворным влиянием композитора Г. Ф. Львовского, который много своих произведений для мужского хора посвятил С.-Петербургской духовной семинарии.

В начале XX века последовательно были преподавателями отец и сын Петровы. Их сменил П. В. Солтицкий, ученик композитора В. А. Фатеева. Это был трудолюбивый церковный музыкант, много дававший своим ученикам.

Образцово был поставлен в семинарии и класс иконописания. Славу ему создал академик Ф. Г. Солнцев, который преподавал в семинарии с 1850 по 1868 год. Некоторые из талантливых семинаристов благодаря Ф. Г. Солнцеву получили от Академии художеств звание художника. Он реставрировал икону Знамения Пресвятой Богородицы, хранящуюся в нашем храме. В начале XX века класс живописи вел талантливый художник-акварелист Редковский, картины которого имеются в Русском музее.

Характерной чертой С.-Петербургской семинарии был порядок. Правила поведения воспитанников С.-Петербургской духовной семинарии, составленные еще митрополитом Филаретом, когда он был инспектором семинарии, сохранились без существенных изменений до нашего времени.

Распорядок дня до 1884 года был такой: вставали в 6 часов утра, в 7 часов — утренняя молитва, затем — уроки, с перерывом на обед, и вечерние занятия. В город не позволялось выходить каждый день; только накануне воскресных и праздничных дней воспитанники отпущались домой к родителям с обязательством возвратиться к 4 часам следующего дня.

С 1884 года распорядок дня оставался почти такой же, какой соблюдается и в настоящее время.

Ревизии Учебного комитета подтверждали, что С.-Петербургская семинария являлась наиболее благоустроенной во всех отношениях и что в ней дело образования и нравственного воспитания было поставлено на должную высоту.

Сохранились печатные воспоминания воспитанников семинарии разных ее периодов, но в них не имеется сетований на строгий режим. Большинство старых питомцев семинарии с глубокой благодарностью вспоминают годы своего обучения и говорят, что именно ей они обязаны развитием ума и сердца, воспитанием воли и подготовкой к трудовой жизни.

От печатных воспоминаний перехожу к личным впечатлениям. Господь судил мне и моим товарищам по семинарии быть свидетелями

празднования столетия в нашей семинарии в 1909 году. В этот день литургию служил митрополит Антоний в сослужении епископа Кирилла (Гдовского). На молебствие вышел целый сонм священнослужителей. Около двух часов начался акт, на котором присутствовали митрополит Антоний; архиепископ Финляндский Сергей, впоследствии патриарх; архиепископ Волынский Антоний; другие архиереи и видные духовные и светские деятели. После пения «Днесь благодать Св. Духа нас собра» преподаватель Н. Г. Рункевич произнес речь, посвященную минувшему столетию, а преподаватель В. М. Верюжский прочел отчет о состоянии семинарии за минувший год. Затем началось чтение адресов, телеграмм и приветствий. Митрополит Николай Японский прислал трогательную телеграмму. Он писал: «Полстолетия тому назад я был свидетелем твоего пятидесятилетия. Светлым явлением он предносится пред моим взором».

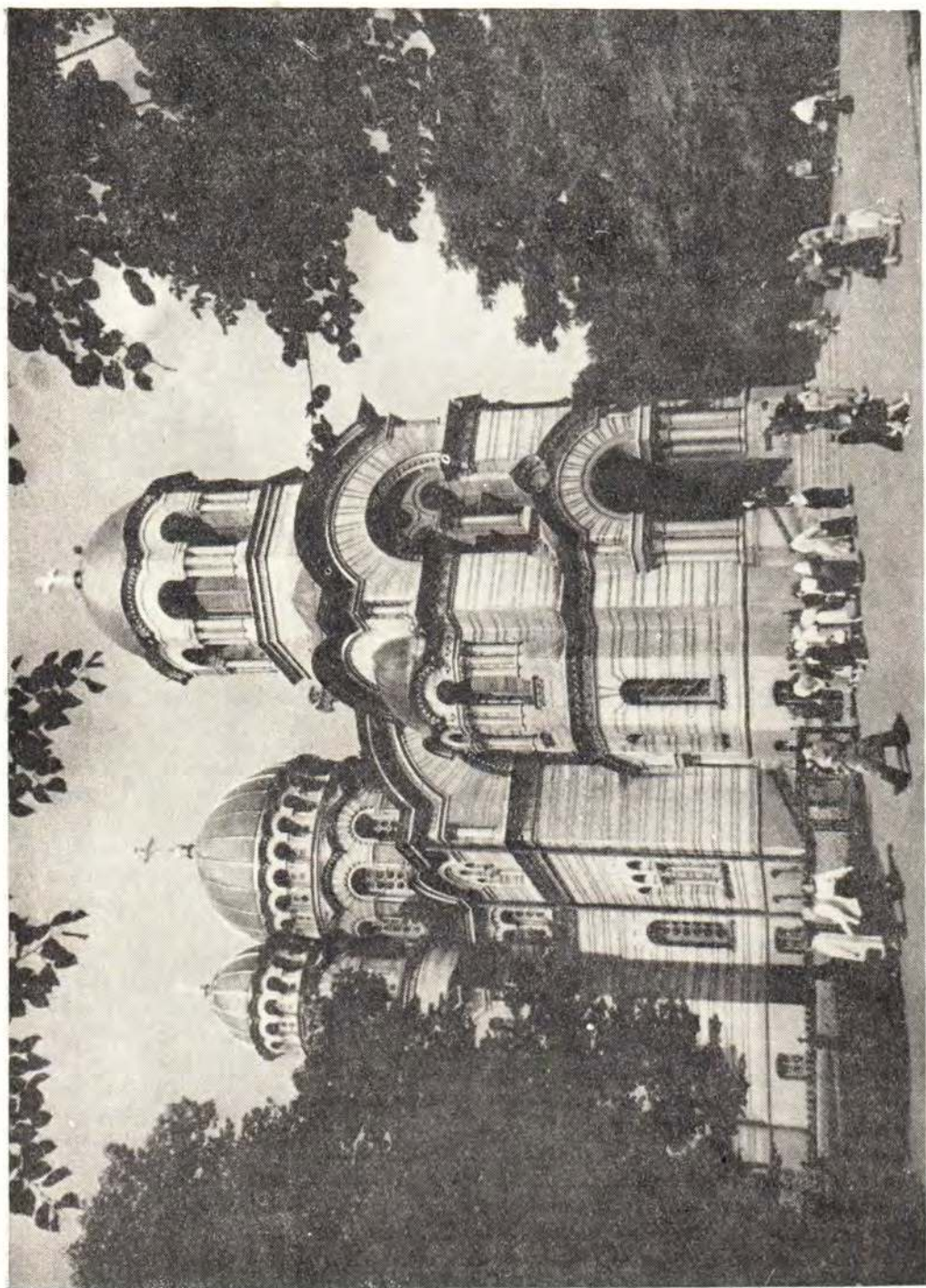
И мы сами видели, как в этот день храм и коридоры наполнялись воспитанниками разных выпусков, в том числе и такими, которые были свидетелями ее пятидесятилетия. Они все были радостно настроены, входили в классы, садились за парты, вспоминали различные случаи из своей семинарской жизни. Были среди них и архипастыри, и ученые, и занимавшие крупное положение в гражданском мире, но подавляющее большинство были сельские священники. Они своим присутствием говорили о том великом деле, которое творила семинария, которая из года в год незаметно выводила на ниву Христову молодых делателей с высокими и светлыми идеалами служения Церкви и Родине.

ХРАМЫ И МОНАСТЫРИ

РИЖСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

В самом центре Риги возвышается величественное здание православного кафедрального собора во имя Рождества Христова. Собор (вмещающий до 3000 человек) производит впечатление обширного сооружения, в особенности снаружи. Длина храма достигает почти 65 метров, ширина и высота — около 45 метров. Внушительная, несколько строгая красота ансамбля достигнута пропорциональностью всех частей здания, построенного в византийском стиле.

В конце прошлого века византийский стиль широко применялся при сооружении новых русских соборных храмов. Рижский Рождественский собор был заложен в 1876 году, то есть через четырнадцать лет после Владимирского собора в Киеве. Он был задуман в гораздо меньших масштабах, чем варшавский собор или военные соборы в Тбилиси, Ташкенте, Новочеркасске и в Кронштадте. Каждый из последних двух храмов был воздвигнут с одним гигантским куполом, придающим сходство с константинопольской св. Софией, которая и послужила образцом. Рижский собор — пятиглавый, и облик его вдохновлен более поздними византийскими храмами (как известно, в Константинополе был построен в форме греческого креста, увенчанного пятью куполами, храм свв. Апостолов). Архитектор академик Флуг, автор проекта рижского собора, взял за образец византийские церковные здания VI—VII вв. Светлые круглые чаши куполов увенчивают удлиненные цилиндрические башни. Светло-желтая облицовка наружных стен — вся в темных красноватых полосах. При первом же взгляде весь облик собора воскрешает в памяти храмы византийского стиля на Ближнем Востоке, в Элладе, на Адриатике, в Сицилии, в Южной Франции.

РИЖСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В ЧЕСТЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Вход в рижский собор выглядит особенно торжественно, так как он расположен высоко. Весь храм покоится на высоком гранитном фундаменте, который первоначально был запроектирован значительно ниже — немногим более двух метров, но обилие грунтовых вод и изменчивость их горизонта побудили строителей довести высоту фундамента до шести метров. На паперть храма ведут гранитные ступени. Главный вход с улицы — через колокольню, воздвигнутую отдельно от собора. Колокольня соединена проходом с притвором храма, из которого через застекленные двери видна внутренняя часть здания, заполненная мягким светом, излучаемым высокими окнами центрального купола.

Колокольня не была предусмотрена первоначальным проектом. К сооружению ее пришлось приступить лишь через четыре года после начала строительства самого собора, так как пожертвованные для нового храма колокола весили в общей сложности более полутора тысяч пудов и не могли быть размещены в башнях угловых куполов, как предполагалось сначала. От мысли строить колокольню большей высоты, чем самый храм, пришлось отказаться, так как для этого потребовались бы очень значительные суммы. Поэтому и была поставлена нынешняя, сравнительно низкая звонница. Главный колокол на ней, весом более 800 пудов, был отлит известным московским мастером Ксенофонтом Веревкиным. На нем были изображены четыре евангелиста и надпись (из текста 28-го псалма): «Глас Господень на водах, Бог славы возгреме: Господь на водах многих. Глас Господень в великолепии».

*
* *

Рождественский собор в Риге был намечен к постройке при Преосвященном Вениамине (епископе Рижском с 1869 года, ранее бывшем викарным Рижской епархии с титулом Ревельского). Закладка нового кафедрального храма была совершена 3 июля 1876 года уже после его кончины преемником его епископом Серафимом (1874—1877 гг.). Собор строился при деятельном участии последующего епископа Рижского, Преосвященного Филарета II (1877—1882 гг.), который также не дожидаясь его завершения. В апреле 1882 года, за несколько дней до передачи Рижской епархии сооруженного храма, в стенах его был воспроизведен знаменитый опыт французского физика Леона Фуко, доказывающий суточное вращение Земли вокруг своей оси, впервые осуществленный в стенах парижского Пантеона в 1851 году. К главному куполу собора был также подвешен маятник с иглой, чертившей его движение в насыпанной под ним муке.

В июне того же года при участии большой массы народа по каткам были втянуты на звонницу колокола. Еще через две недели усилиями 800 человек был поднят и главный колокол, вечером того же дня давший мощный пробный звон. Торжества освящения нового собора происходили 27—28 октября 1884 года. Они приняли величественный характер, включая крестные ходы, перенесение святынь из старого Петропавловского собора и Александро-Невского храма, участие многочисленных объединенных хоров, и возглавлялись бывшим Рижским архиереем — Митрополитом Киевским и Галицким Платоном, епископом Рижским Донатом (1882—1887 гг.) и епископом Ковенским Сергием. Множество духовных лиц и мирян прибыло на эти торжества со всей России.

С 1884 года старый собор во имя свв. апостолов Петра и Павла, построенный на месте деревянной церкви, существовавшей в Рижской Цитадели в период шведского владычества, был превращен в приходский храм эстонской православной общины г. Риги.

Новый собор в момент своего сооружения и освящения увенчивал для Православия в Прибалтике длительный период роста, связанного с миграцией масс православного населения из внутренних областей к западным рубежам страны. Рост этот был сопряжен с постепенным преодолением разных затруднений, в том числе материальных. Еще в 1833 году в ведомости о состоянии старого Петропавловского собора говорилось: «Собор утварью недостаточен; ризница совсем ветха; местные иконы и священные картины на холсте, расположенные по стенам, от сырости теряют достоинство живописной кисти, а позолота украшений иконостаса и рам картинных от времени потускнела и лупится».

Уже с учреждением в 1836 году Рижского викариатства отправленные архиерейских служб стало благотворно влиять на благолепие храма. Стало улучшаться и материальное обеспечение его, но в 1840 году о наружном виде соборного храма еще говорилось, как о требующем безотлагательного обновления и улучшения. Каменный Петропавловский собор был построен на месте деревянного в 1776—1786 гг., по проекту архитектора Христофора Габерланда в классическом стиле. Корпус его, с одним узким куполом в виде башенки, с фасадов охвачен строгими фронтонами с плоскими колоннами. Весь ансамбль увенчан высокой и стройной шестиярусной колокольней со шпилем. В 1807 году храм сильно пострадал от небывалого шторма и наводнения. Только в 1833 году он был отеплен. Наружный ремонт его в 1841 году был произведен усердием старосты Евдокима Беспалова, потратившего на него большие личные средства. Только с 1848 года прекращаются замечания о неудовлетворительном внешнем и внутреннем состоянии старого рижского собора. Ведомости начинают описывать его, как «благовидный, утварью и ризницею нескудный».

*
* *

Внутреннее украшение нового рижского Рождественского кафедрального собора претерпело со времени его открытия существенные изменения, вызванные тревожностями двух мировых войн.

Храм был построен в форме продолговатого креста с тремя алтарями. Оба придела имеют с восточной стороны округленную форму, расположены они ниже главного алтаря и выдвинуты вперед. Правый придел — во имя св. Александра Невского, левый — во имя Рождества Пресвятой Богородицы. К амвонам боковых алтарей ведут три ступени, к более центрального алтаря во имя Рождества Христова с уровня приделов поднимаются еще четыре добавочные ступени. Эта центральная солея отделена от средней части храма декоративной решеткой, через которую ведут три двери. Все иконостасы и клиросы — из резного дерева с узорными колоннами и позолоченным орнаментом. В среднем иконостасе — три яруса (высота его — около 10 метров), в боковых — по два. Эта архитектурная композиция весьма удачна. Она придает всему внутреннему виду храма благолепную праздничность и устремленность ввысь.

Украшению рижского собора содействовали выдающиеся художники эпохи. Первоначальный запрестольный образ центрального алтаря (Вознесение Христова) принадлежал кисти В. П. Верещагина, как и иконы Божией Матери и апостола Иоанна Богослова в рост по обе стороны от него над горним местом. На главных царских вратах Благовещение Пресвятой Богородицы с архангелом Гавриилом и четыре евангелиста были написаны также Верещагиным. Его же иконы помещались в местном ряду главного иконостаса: Спаситель, Божия Матерь с Младенцем, храмовая икона Рождества Христова, симметрично

расположенная икона Сретения Господня и изображения архангелов Рафаила и Гавриила на южных и северных дверях. Боковые иконостасы были расписаны профессорами исторической живописи Академии художеств П. М. Шамшиным (ректором отделения живописи и скульптуры академии) и учеником Бруни К. Б. Венигом. Второй и третий ярусы главного иконостаса были выполнены академиком М. Н. Васильевым. Все эти иконы были написаны на золотом фоне.

Стены собора, столпы и арки, паруса, притвор были расписаны древним орнаментом в византийском стиле со множеством фресковых икон. На полях барабана центрального купола были надписи из псалмов. Между окнами купола на голубом фоне были изображены 24 херувима и в самой вышине его в виде расходящихся лучей — надпись золотом: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея».

*
* *

Во время первой мировой войны приближение к Риге армий противника повлекло за собой эвакуацию церковных и художественных ценностей. Большинство икон Рождественского собора было вывезено в глубь страны, так же, как и богато украшенные кресты, евангелия (одних евангелий большого размера, «в лист», в массивных серебряных и бархатных переплетах с драгоценными камнями, самоцветами и эмалью было семь), дарохранильницы, лампы, паникадила, подсвечники и другие ценные дары и пожертвования русских епархий, монастырей и отдельных лиц.

Впоследствии, в 20-х годах, из Советского Союза была доставлена в собор утварь, заменившая первоначальную. Иконы были написаны заново, обветшавшая роспись стен восстановлена, но более упрощенно, главным образом в виде орнамента. Из верещагинских творений сохранилось над аркой при входе в один из приделов лишь изображение преставления Александра Невского, на котором святой показан на смертном ложе облаченным в мантию схимника; возле него духовенство с зажженными свечами.

Благолепие собора велико и поныне. Прекрасны иконостасы, замечательна большая Голгофа, занимающая всю боковую стену перед правым приделом. Эта святыня и одновременно достопримечательность храма была поставлена в 1904 году при архиепископе Агафангеле. Перед Голгофой можно постоянно видеть благоговейно молящихся людей. В этом храме, которому нет еще и ста лет, ощущается та особая духовная атмосфера, которая бывает свойственна чтимым и обычно древним храмам.

А. Казем-Бек

К ПРЕБЫВАНИЮ
ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГОСТЯХ
У РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(см. описание в «ЖМП» № 10 за 1959 год)

НА ПРИЕМЕ У МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО НИКОЛАЯ
В ЗДАНИИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Слева направо: ЕПИСКОП ПЕРМСКИЙ И СОЛИКАМСКИЙ ПАВЕЛ,
МИТРОПОЛИТ ХАРАРСКИЙ АБУНА ФЕОФИЛ, МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ,
СВЯЩЕННИК АББА ХАНТЕ МАРИАМ, ПРОТОИЕРЕИ ЕВГЕНИЙ АМБАРЦУМОВ

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ НИКОЛАЙ БЕСЕДУЕТ
С ГЛAVОЙ ДЕЛЕГАЦИИ МИТРОПОЛИТОМ ХАРАРСКИМ
АБУНОЙ ФЕОФИЛОМ

ДЕЛЕГАЦИЯ ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКВИ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ ЗА ЛИТУРГИЕЙ
В ДЕНЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И ДРУЖБА МЕЖДУ НАРОДАМИ

Русская Православная Церковь, как это признано всеми, является глубоко патриотической Церковью: в дни войн, вражеских нашествий, народных испытаний она разделяла скорби народные, вдохновляла своих сынов на подвиги, пробуждала любовь к родной стране. Но Русская Церковь — это зеленеющая отрасль Вселенской Церкви. Самый широкий универсализм, горячее стремление к братству между народами, к миру всего мира и к соединению всех присущи ей.

Из уст своих первых святителей услышал русский народ проповедь братской любви к другим народам. Митрополит Киевский Иоанн II (1077—1089) призывает к умеренности в спорах с инаковерными. Духом христианского гуманизма проникнуто архипастырское послание Новгородского епископа XII века Луки Жидяты: здесь мы слышим голос истинного христианина, который протестует против всякой национальной и религиозной исключительности. И в те времена появляется термин «человечество»; впервые мы встречаем это слово, выражающее общность всех людей, в проповеди Илариона — первого русского по крови митрополита — в его «Слове о законе и благодати» (1051 г.). Греческие книги в славянском переводе появились в огромном количестве в Киевской Руси во времена Ярослава и оказали огромное влияние на развитие русской культуры, а также укрепили связь между православными народами.

Храм св. Софии в Киеве — исторический символ эллинско-славянского братства, бессмертный памятник творческой дружбы двух великих народов.

Кремлевский Успенский собор в Москве воздвигнут (в тесном сотрудничестве с русскими мастерами) итальянцем Аристотелем Фиоравенти, который прибыл сюда из далекой Болоньи в 1475 году, вместе с сыном Андреа и учеником Пьетро. И Русская Церковь благословила братскую работу итальянцев и русских в честь Пречистой Матери Божией, теплой Заступницы всего человеческого рода.

В ту же эпоху пришел в Москву великий странник, носитель христианских идей просвещения, достигший высот культуры эпохи Возрождения, преп. Максим Грек (1480—1556 гг.). Эллин по крови и по воспитанию, он долгие годы провел в Италии, где был другом и учеником видных гуманистов. В начале XVI столетия он отправился в далекую Россию. Быстро усвоив русский язык, он горячо принялся за исправление церковных книг и перевел на русский язык многие иностранные сочинения. Многотрудна была жизнь Максима Грека, много горя пришлось ему испытать. Русская Православная Церковь сурово осуждает его гонителей и прославляет память великого «пресельника».

Почитая память преподобного Максима, Русская Церковь осуществила впоследствии его заветы. Сурово осудив национальную исключительность, она в XVII веке решительно вступила на путь тесного

братского общения с другими народами. Уже при патриархе Иосифе (1642—1652 гг.) в Русской Церкви обозначилось глубокое стремление к просвещению и к тесному единению в первую очередь с греками. Это движение к просвещению, возникшее в Русской Церкви в XVII веке, особенно усилилось в годы первосвятительства Патриарха Никона, который только продолжал идти по тому пути, на который уже решительно вступил его предшественник патриарх Иосиф.

Охотно принимая все доброе, идущее из-за рубежа, борясь с косностью и консерватизмом, патриарх Никон «прорубил окно в мир». Никогда еще сношения Русской Церкви с восточными патриархатами не были столь оживленными, как при нем. В то же время в лице киевских ученых, выписанных патриархом, в Москву приходит западное просвещение, характерным представителем которого был ученый монах, проповедник, духовный писатель и поэт Симеон Полоцкий.

В конце XVII и начале XVIII века Русская Церковь выдвинула из своей среды такого просвещенного, образованного святителя, проникнутого духом христианской любви, как св. Димитрий Ростовский. Образованными людьми были также и другие руководящие церковные деятели XVIII и начала XIX века: митрополит Стефан Яворский, архиепископ Феофан Прокопович, архиепископ Димитрий Сеченов, московский святитель Амвросий Зертис-Каменский, епископ Ириней Фальковский и другие. Все эти иерархи заботились о просвещении русского духовенства. Горячим сторонником общения и дружбы между народами был приснопамятный московский митрополит Платон (Левшин) (1737—1812 гг.). На протяжении всей своей жизни он охотно общался с иностранцами. «К нему нередко собирались, — рассказывает его биограф, — греки, сербы, далматы, французы, немцы, англичане и итальянцы». На Западе имя митрополита Платона пользовалось широкой популярностью. Его сочинение «Христианское богословие» использовалось при чтении богословских лекций в Оксфордском и Глазговском университетах. Ученые в Германии, Италии, Швейцарии и Франции старались заводить переписку с Платоном.

Очень популярен на Западе был также современник и близкий друг Платона митрополит Новгородский Гавриил (Петров) (1730—1801 гг.). Иностранцы ценили его за просвещенность, гуманизм и проповеднический талант. Известный французский писатель Мармонтель охарактеризовал митрополита как «достойнейшего иерарха, напоминающего своим нравственным величием те времена, когда святые вещи находились в святых руках».

XIX век ознаменовался большим расширением контактов с Западом: иностранцы становились частыми собеседниками русских иерархов, а Западная Европа и Ближний Восток посещались многими русскими духовными лицами. Особенно известен, как путешественник, епископ Порфирий (Успенский). Его «Книга бытия моего», представляющая путевой дневник, производит прекрасное впечатление своей терпимостью, беспристрастием, гуманизмом. Так, Преосвященный Порфирий, прожив долгие годы на Востоке и горячо любя единоверцев-греков, отзываясь в то же время о турках с исключительной симпатией. В 1854 году епископ Порфирий прибыл в Рим и 29 сентября был принят папой Пием IX. Его письма из Рима также отличаются исключительной объективностью.

В среде русских богословов широкой популярностью пользовалась западная теологическая литература. В XIX веке укрепляются и расширяются отношения Русской Церкви с ее восточными сестрами; особенно тесными становятся в это время связи с Антиохийской Патриархией.

С исключительным радушием принимала Русская Церковь своих гостей. В 1891 году Россию посетил известный католический деятель

священник Викентий Ванутелли, родной брат кардинала Серафимо Ванутелли. Его главной целью было ознакомление с русской церковной жизнью. Впоследствии он, в опубликованной им книге, отметил то братское гостеприимство, которое он встретил со стороны представителей Русской Церкви.

Летом 1894 года Москву посетил французский епископ Журдан де ла Поссадиер; при этом визите было проявлено много трогательной христианской любви и взаимного уважения обеими сторонами — и гостем и хозяевами.

Провозвестником мира и дружбы между народами был митрополит Киевский и Галицкий Платон Городецкий (1803—1891 гг.). Проповедь братской любви к людям иной веры и нации проходит красной нитью через всю его жизнь. Будучи архиепископом Рижским (1850—1867 гг.), он проявляет себя как друг эстонского и латышского народов; будучи архиепископом Донским (1867—1877 гг.), он отдает много сил улучшению быта калмыков, поддерживая самые дружеские отношения с буддистскими священнослужителями. Когда Высокопреосвященный Платон занимал митрополичью кафедру в Киеве, он особенно заботился об укреплении дружбы между православными и католиками.

«Мы, католики и православные, — говорил Высокопреосвященный Платон, — должны хранить в себе единение духа в союзе мира, потому что взаимная любовь, заповеданная нам Самим Господом нашим Иисусом Христом, составляет главный признак истинных учеников Его и есть такая добродетель, без которой и сама вера, по словам ап. Павла, ничто».

Горячим сторонником дружбы между народами был и выдающийся русский иерарх, живший на рубеже XIX и XX веков, митрополит Антоний Вадковский (1846—1912 гг.). Гуманный и просвещенный, он был чужд всякой национальной вражды или нетерпимости. Широта его взглядов и любовное отношение ко всем людям, независимо от их нации и вероисповедания, проявились впервые в июле 1887 года, после назначения его на Выборгскую кафедру. Молодой тогда еще епископ выразил желание объехать всю Финляндию, и эта поездка превратилась в яркую демонстрацию взаимной любви и дружбы между финским и русским народами. О дружеских чувствах к людям иной национальности и вероисповедания свидетельствует и его переписка с одним из католических епископов: «...прошу Вас усердно помянуть меня у престола Божия. Молю Бога снова Вас увидеть и испросить у Вас благословения на Русской земле, которую я так люблю...», — пишет католический прелат. «...с радостью исполню Вашу просьбу за Вас молиться и также поручаю себя Вашим молитвам. Примите выражение моего уважения и верьте, что я буду искренне рад Вас снова увидеть в моем отечестве, где Вы всегда будете дорогим гостем», — отвечает православный русский иерарх.

В июне 1897 года Антоний, тогда архиепископ, посетил Англию с официальным визитом, что представляло собой важную веху в развитии отношений между Православной Церковью и англиканством. В 1905 году митрополит Антоний поднял свой голос против бесчинств, спровоцированных черносотенцами, которые стремились раздуть зловещее пламя крайнего шовинизма. «Церковь Российская, — писал он, — скорбит о чадах своих, в коих... затемнился глагол Христов о любви и милосердии к ближним, кто бы они ни были, единоверные нам христиане или иноверные, всякие насилия против которых она всегда осуждала и осуждает с неизменной решительностью, как противные законам благочестия...». Митрополит Антоний был также горячим сторонником тесного общения Русской Церкви с православным Востоком.

Нельзя не вспомнить и трех русских миссионеров XIX века: дея-

теля на далеком северо-востоке митрополита Иннокентия (Вениаминова), основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (Глухарева) и архиепископа Николая Японского.

Наиболее яркой чертой всех этих великих светильников Православной Церкви является горячая любовь к тем народам, среди которых они жили и трудились.

В 1823 году отправился к берегам далекой Аляски молодой иркутский священник Иоанн Вениаминов (будущий митрополит Московский и Коломенский Иннокентий) и прожил, трудясь среди местных жителей в суровых условиях далекого северо-востока, почти сорок лет. Отзывы его об алеуках, якутах и камчадалах проникнуты исключительной теплотой: они резко отличаются от презрительного отношения к отсталым «инородцам» со стороны царских чиновников.

В 1857 году Преосвященный Иннокентий встретил молодого иеромонаха Николая, только что окончившего Петербургскую духовную академию, который ехал в далекую Японию, в Хакодате. Между двумя миссионерами установилась дружеская связь. В 1861 году архиепископ Иннокентий сам посетил в Хакодате своего молодого собрата. Имя первого японского православного архиерея, Преосвященного Николая, пользовалось всеобщей известностью и уважением. Своим сердечным, истинно христианским отношением к японцам архиепископ Николай приобрел всеобщую любовь. Он чувствовал себя совершенно своим в японской среде. Архиепископ Николай был и горячим сторонником русско-японской дружбы.

В 1890 году в распоряжение архиепископа Николая был откомандирован молодой, только что окончивший академию иеромонах Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси. Он провел несколько лет в Японии, проявил себя как деятельный и энергичный сотрудник архиепископа. По возвращении в Россию он опубликовал свой путевой дневник, в котором прежде всего тот же большой христианский гуманизм и так же, как у упомянутых трех великих миссионеров XIX века, пленяет читателя бескорыстная христианская любовь к другим народам.

Проповедь всеобщей любви и дружбы между народами является, как мы видим, тысячелетней традицией нашей Церкви. Верная этим принципам, Русская Православная Церковь за последние годы значительно расширила свои дружеские контакты и межцерковные связи. Многие представители западного христианства встретили у нас за это время самый теплый и радушный прием.

Однако еще продолжается изготовление ужасных орудий истребления людей. Не достигнуто и соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия, несмотря на то, что ученые физики всех стран заявляют о радиоактивных осадках, которые во время испытаний заражают атмосферу и вредят здоровью людей.

Вот почему Русская Православная Церковь вместе с христианами всего мира поддерживает требование народов о прекращении испытаний и производства ядерных бомб и всеобщем разоружении.

Пусть же исчезнут из мира вражда и ненависть — и да соединятся народы в единую мирную и дружную семью! Мир и братство да царствуют на земле! Ведь именно к этому нас, верующих христиан, призывает наш Учитель и Спаситель, Господь Иисус Христос.

И. Хибарин

В наше время, когда с каждым днем растет и ширится единение между различными христианскими исповеданиями, когда евангельская любовь между ними начинает понемногу пробивать лед вековых разделений и толщу конфессиональных перегородок, когда мы присутствуем при воплощении в жизнь известного принципа: «*in principiiis — unitas, in dubiis — varietas, in omnibus — caritas*» («в основном — единство, во второстепенном — различие, во всем — любовь»), уместно вспомнить выдающегося французского проповедника Евгения Берсье, семидесятилетие со дня смерти которого исполняется 18 ноября 1959 года.

«Гениальность мысли, величая простота формы и особенно та пламенная любовь к Богу и ближнему, которая живительным ключом бьет из каждого слова, сообщают его проповедям такую духовную силу, что делает их незаменимыми для пробуждения духа, борьбы с сомнениями и утешения скорбящих», — так характеризует Берсье один русский религиозный мыслитель. Еще в большей степени сила и значение проповедей Берсье, их влияние на человеческие души обуславливаются их полной бесконфессиональностью; это делает их особенно близкими нашему времени.

Возможность полного единомыслия, когда дело идет не о букве мертвой, а о животворящем духе, о солидарности в понимании вечной Правды Божией, является блестящим и действенным доказательством реальности духовного братства всего христианского мира. Об этом духовном братстве красноречиво свидетельствуют также и столь частые современные взаимные визитации представителей различных христианских церквей; эти визитации, как правило, и при наличии конфессиональных особенностей проходят в самой теплой и братской атмосфере.

*
* *
*

Е. Берсье родился в 1831 году на лоне природы живописной Швейцарии. Чудная сельская природа не могла не оказать воздействия на впечатлительного юношу Берсье, воспитав в нем глубокую религиозность. А при виде идиллической картины горных пастбищ в душе молодого Берсье невольно вставал образ Евангельского Доброго Пастыря, что, без сомнения, не осталось без влияния на пастырское призвание Е. Берсье, которое он почувствовал в своей душе очень рано.

В целях приобретения средств для получения высшего богословского образования, без которого он считал пастырскую деятельность немислмой, Берсье отправляется в Америку. Там в течение нескольких лет «тяжким трудом и одиночеством разлуки» Берсье приобрел необходимые средства и возвратился в Европу. Осуществив свою давнишнюю мечту о получении высшего богословского образования (в Женевской оратории), он получил затем должность священника в одном из реформатских приходов Франции. Полученное в Новом Свете образование оказалось для молодого священника Берсье тем более ценным, что его продолжительная пастырская деятельность прошла главным образом в Париже, по выражению самого Берсье, «Афинах новейшего времени» по его культурному значению и «современном Вавилоне» — по нравственному состоянию.

Широкое и вместе с тем чреватое всякого рода трудностями прище открылось для Берсье в Париже. Но проходит немного времени,

и скромный реформатский пастор приобретает во Франции широкую популярность, вскоре перерастающую в мировую известность выдающегося проповедника. Беседы его расходились во Франции в десятках изданий и были переведены на английский, немецкий, русский, шведский и другие языки, выдержав не одно издание.

Берсье было совершенно чуждо стремление искать популярности ценою снисхождения к человеческим слабостям: проповедник Евангелия, он не спускался в своем учении до уровня толпы, но старался поднять ее до высоты евангельской истины, не жертвуя истиною. Его правдивое и сдержанное, дышащее любовью слово соединялось иногда со строгостью и взыскательностью, но исключительно в интересах любви им паствы.

Еще более далек был Берсье от погони за славой проповедника. «Я не желал и не желаю, — говорил он, — быть ничьим наставником, но я хочу лишь привести человеческие души ко Христу самыми лучшими известными мне путями... Моя награда, — писал он, — будет заключаться в том, чтобы обо мне могли когда-либо сказать, как о женщине-самарянке, беседовавшей со Христом: «уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос» (Иоан. 4, 42)».

Многочисленные слушатели, принадлежавшие к различным исповеданиям и слоям общества, находили в беседах Берсье духовное удовлетворение, ответы на волнующие их духовные запросы и сомнения, поддержку в минуты борьбы и отчаяния, утешение в дни скорби и житейских невзгод. Слова его, чуждые каких-либо конфессиональных особенностей, сектантских уклонов и житейских компромиссов, были не просто слова реформатского пастора, а представляли собою подлинное евангельское христианство. Предлагая вниманию своих слушателей ту или другую евангельскую истину, Берсье, как правило, проводил ее через горнило скептицизма и отрицания, чтобы слушатели не только усвоили истину, но и могли дать «ответ о своем уповании» «совопросникам века сего». Беседы Берсье — это вдохновенный гимн христианству.

В своих проповедях Берсье говорил и о нередко инкриминируемом христианству одностороннем спиритуализме и презрении к земной жизни. Отвечая на это обвинение, он спрашивает: «Христиане, что вы можете презирать на земле? Время?! — Но вы должны искупать его. Природу?! — Но вы находите в ней как бы печать Самого Бога. Ваше тело?! — Но вы должны уважать его, как храм Святого Духа. Ваши способности?! — Но они созданы для бесконечного прогресса; это таланты, которые вверил вам Бог. Работу?! — Но она ваш закон». Относительно последнего утверждения Берсье добавим, что нигде так не осуждается и сильнее не наказывается нарушение этого закона (необходимости труда), как в известных словах апостола Павла: «не трудившись да не яст» (2 Фессал. 3, 10). Недаром же, по свидетельству древнего памятника «Учение 12 апостолов», в первохристианских общинах пришелец мог пользоваться гостеприимством общины только два дня, после чего, если он хотел пользоваться содержанием от общины, должен был включаться в общую работу наряду с другими членами последней.

*
* *
*

Не только полное отсутствие конфессиональности создало мировую известность беседам Берсье; в значительной степени этому способствовали и личные качества их автора: его обширный ум, глубоко вникаю-

ций в волнующие современное человечество вопросы веры и знания, тонкий философский анализ, всестороннее знание человеческой психологии, соединенное с простотой изящества стиля и широкая, многосторонняя эрудиция.

Но что особенно представляет для нас интерес в беседах Берсье и делает их созвучными нашей эпохе,— это самое категорическое и решительное осуждение войны. «Предположите,— говорит он,— усовершенствованные боевые снаряды в руках каждого человека, предположите порох и динамит в ловких руках, а затем вдруг припадок сумасшествия с так подготовленным поколением, и вы увидите... Вы видели незабываемые кровавые сцены, которые мы желали бы совершенно забыть, если не было бы еще людей, восторгающихся ими».

Увы, мы, люди нашего времени, видели, как эти «усовершенствованные боевые снаряды» в руках всего только одного летчика в несколько минут причинили огромные разрушения городам Хиросима и Нагасаки с их сотнями тысяч жителей, и, к глубокому прискорбию, никто не заподозрил в сумасшествии летчика. Легко представить себе ужас и возмущение Берсье, если бы он был современником катастрофы двух японских городов.

До этой катастрофы он не дожил, но зато ему пришлось переживать немало войн, начатых в его время в Марокко, Алжире, Индокитае по инициативе «маленького Наполеона» (выражение Виктора Гюго), воодушевляемого тенью своего прославленного дяди и увлеченного идеей французской экспансии. Колониальные войны еще в большей степени, чем войны между культурными народами, возбуждали негодование Берсье как своею полною несправедливостью и необычайной жестокостью, так и тем, что они дискредитировали в глазах туземного населения столь дорогое для него христианство. «Культурные народы,— говорил он,— только злоупотребляют своею культурою, своею силою и угнетают слабейшие племена. Их политика по отношению к слабейшим народностям была всегда длинной цепью беззаконий, так что самое название «христианин» было окружено зловещим ореолом...». «Просвещенные нации вместо того, чтобы делать из своего превосходства орудие разрушительной войны, склонились бы к слабым невежественным народам и сказали бы им словами притчи: «Садитесь рядом с нами»».

Для полной картины пастырской деятельности Берсье, в которой слова никогда не расходились с делом, нельзя не отметить его патриотической работы в ужасные дни осады Парижа во время франко-прусской войны 1870—1871 года, когда, по словам современников, Берсье «сумел придать своему красноречию такую убедительную силу, что его беседы в сен-мартенском театре Легувэ были равносильны раздаче хлеба в голодающем городе»; не ограничиваясь этим, Берсье принимал самое деятельное участие в организации и устройстве походных госпиталей.

В заключение нельзя не отметить еще одной характерной черты в образе Берсье— именно широты его богословских взглядов. Оставаясь в своих проповедях на нейтральной почве общего всем церквям Востока и Запада евангельского учения, Берсье в то же время обнаруживает живой интерес к другим исповеданиям. Но, как противник «бесплодных прений и междоусобных церковных распрей», он делал это не с целью какой-либо дискуссии, а исключительно с целью заимствования. По словам одного из русских современников, он «заставил Берсье над изучением нашего Православного Служебника, которым он восхищался».

От Берсье нас отделяют семьдесят лет, как никогда в истории насыщенных событиями, радикально и во многих отношениях изменившимися жизнь. Но, подобно никогда не ржавеющему золоту, беседы его,

имеющие своим источником евангельское христианство, сохраняют доселе свое неумирающее значение и непреходящую ценность, и, вопреки его собственному заявлению: «я не желал и не желаю быть ничьим наставником», Берсье наставляет и будет всегда наставлять нас, поскольку он принадлежит к тем людям, которые, по словам Пресансе, «умерли, но еще будут говорить нам».

Прот. Е. Садовский

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИК ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ

Славна была в древнем мире Солунь. В 315 году до Рождества Христова военачальник Кассандр, муж сестры Александра Македонского, основал этот город, назвав его именем своей жены — Фессалоники.

Впоследствии город стал пограничным пунктом между Римской империей и славянскими племенами, проникавшими на Балканский полуостров и постепенно его заселявшими. Город был хорошо известен в славянских землях, и уже довольно рано болгарское название «Солунь» стало вытеснять греческое «Фессалоники».

Издавна в этом городе жило много евреев; среди них в I веке раздалась проповедь Евангелия. Апостол Павел проповедывал здесь, основал Фессалоникийскую Церковь и обратился к ней впоследствии с двумя вдохновенными посланиями. Проповедь пала на добрую почву; Евангелие быстро вышло из синагоги, распространилось среди язычников, и солунская община стала драгоценным, многоцветным украшением древней Церкви.

Во времена Диоклетиана городом правил архонт (избранный населением правитель) из именитого Солунского рода. Человек ловкий, дипломатичный, мягкий, ласковый и изворотливый, он был наиболее подходящим градоправителем в это бурное время. Сторонник городской независимости, он умел ладить с императорскими наместниками; тайный последователь Христа, он исполнял христианские обряды вдалеке от людских глаз, под покровом ночи, и никогда официально не объявлял себя христианином. Своему сыну он дал традиционное солунское имя «Димитрий» — в честь богини Деметры, культ которой был распространен в Македонии. Димитрий не был похож на отца: человек отважный и сильный, он избрал себе карьеру воина.

Однако была и другая слава, помимо воинской, которая влекла к себе юношу: в Солунь доходили слухи о доблестном кимоне Георгии, исповавшем Христа перед императором и павшем в Никомидии; о прекрасном юноше, враче Пантелеимоне, казненном за принадлежность к христианству; об Анастасии и Параскеве, проявивших неженскую твердость во время гонения; слава мученика Христова — новая, страшная и пленительная слава — носилась перед глазами солунского отрока.

После смерти градоправителя его сын Димитрий был избран в архонты. Он правил городом очень короткое время; однако с самого основания города не было столь любимого народом правителя. Справедливость была основным жизненным правилом Димитрия. Друг обиженных и обездоленных, обличитель несправедливости, враг произвола — таков был солунский правитель. Все жители города (независимо от национальности и религии) — бедные и притесняемые, рабы и чужестранцы — видели в нем покровителя и заступника. В противоположность отцу Димитрий не делал тайны из своей религии; открыто приходил он на собрания христианской общины: на вечере любви архонт возле-

СВ. ВЛКМЧ. ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ
(ИКОНА XII—XIII ВЕКА)

жал за одним столом с ремесленниками, рабами, нищими пришельцами — с теми, от кого с презрением отворачивались люди его круга.

Как раз в это время пришло некоторое облегчение для христиан: в 305 году император Диоклетиан отказался от власти и ушел на покой. С особенным чувством радости и облегчения восприняли эту весть христиане: ушел от власти самый свирепый, самый энергичный гонитель из всех, каких знала древняя Церковь.

Ни один из эдиктов, направленных против христиан, не был отменен; однако среди смут, сотрясавших империю после Диоклетиана, никто уже не требовал их буквального исполнения. И если в это переходное время и мог быть христианский градоправитель в языческом государстве, то правление Димитрия в этот период не могло быть долговременным.

Осенью 306 года в Солуни было получено известие, всколыхнувшее всех: город должен был посетить правитель восточной части империи Галерий Максимиан, бывший смертельным врагом христианства. Узнав о предстоящем приезде, Димитрий почувствовал, что приближается час его огненного крещения. Он призвал к себе старого слугу Луппа, который много лет жил в доме градоправителя и был ревностным христианином. Димитрий повелел раздать все свое имение самым бедным жителям города. И потекли толпы бедняков к дому градоправителя — все богатства, нажитые предками Димитрия, перешли в их руки. Когда приехал в Солунь император, его встретил градоправитель, который был теперь не богаче последнего городского нищего. Император принял градоправителя любезно; ласково поздоровавшись с ним и расспросив о городских делах, он сказал, что хочет почтить римских богов, отдал приказ об устройстве общественного жертвоприношения и выразил надежду увидеть при этом торжестве первого гражданина Солуни. Твердо и ясно вымолвил Димитрий отказ, заявив в лицо Галерию о своей принадлежности к христианской религии. Император, оставаясь ласковым и любезным, обратился к Димитрию с обычным увещанием, умоляя его подумать о своей карьере. Димитрий выслушал слова цезаря в почтительной позе, как повелевала воинская дисциплина, но не ответил ему ни слова. Почувствовав в этом молчании непреклонную волю, Галерий Максимиан отпустил архонта.

После жертвоприношения, при котором Димитрий не присутствовал, архонт как-то странно и незаметно исчез, а через несколько времени по городу разнесся слух, что первый гражданин Солуни находится в городской тюрьме. Древнерусский агиограф следующим образом объясняет образ действий Галерия Максимиана: «Царь боялся градского восстания, вси бо мужи, не яко подручни, но яко обладаема, не яко слуги, яко уди к телу, к Димитрию привезани бяху».

Что думал, что чувствовал узник, находясь в тюрьме? Лаконичные и суровые авторы древних житий об этом молчат. Но здесь и не нужно слов: Димитрию следовало теперь испить ту чашу и креститься тем крещением, о которых сказано: «Чашу, которую я пью, будете пить, и крещением, которым крещаясь, будете креститься...». Здесь, в темнице, Димитрий непрестанно молился; верный слуга его Лупп и еще несколько христиан навещали ежедневно обреченного на смерть, которому (как все понимали) оставалось жить немного дней.

А за тюремными стенами шла бурная жизнь. Шумные празднества, торжества, пиршества следовали одно за другим; на какой-то срок Солунь превратилась в столицу. И как бы для полного сходства с Римом было объявлено о предстоящем прибытии знаменитого римского единоборца Лия. Он прибыл в Солунь в октябре, к осенним праздникам в честь богини Деметры, которые с особым торжеством справлялись в Македонии. Лий был необыкновенно сильный и ловкий борец.

и не было ему равного во всей империи. Любого самого сильного человека он мог схватить в охапку, как ребенка, прижать к себе и сбросить на лес копий, которые держали воины внизу, под помостом. Его жертва корчилась в судорогах на копьях, в то время как гром рукоплесканий сотрясал стены цирка. О нем слагали легенды, борцы всего мира его знали; любимец Диоклетиана, он не раз слышал похвалу из императорских уст. Христиане во всех концах империи с ужасом повторяли зловещее имя: во времена гонений Диоклетиан христиан отдавал ему сотнями; императору доставляло особое удовольствие видеть, как гибнут «галилеяне» — эти ненавистные ему люди — в объятиях гиганта. Великан Лий в его глазах олицетворял железную, несокрушимую силу империи, которой ничего не стоит, как мух, раздавить этих жалких нищих, физически слабых пигмеев с их бреднями о новой, грядущей в мир правде.

Галерий пригласил Лия в Солунь не только для развлечения. Он хотел и потешить толпу, жадную, как он знал, до кровавых зрелищ, и тем привлечь ее на свою сторону, и припугнуть недовольных сторонников смещенного им архонта, и главным образом расправиться с христианами, показав им, что с уходом Диоклетиана (после короткой передышки) для них наступят еще худшие времена. И вновь, как во времена Диоклетиана, полилась в Солуни христианская кровь: сотни людей, ускользнувших от руки палача во время прежнего гонения, должны были погибнуть на копьях, поверженные Лиём. С ужасом следили солуняне за страшным зрелищем; однако эффект от этого зрелища был не таков, как в Риме: там, в Риме, последний плебей все же чувствовал себя неприкосновенным в качестве римского гражданина и с легким сердцем аплодировал гибели рабов-чужестранцев. Здесь все — и зрители и жертвы — были одинаково солунянами, и никто не чувствовал себя в безопасности. Властитель, который ознаменовал свой приезд смещением и арестом градоправителя, а теперь истреблял невинных людей, внушал трепет и негодование.

В глухо негодующей, но молчаливой и бессильной толпе зрителей находился Нестор — молодой христианин, недавно принявший крещение. Нестор всегда испытывал восхищение перед солунским архонтом. Его пленяли в Димитрии отвага, мужественная сдержанность, великодушные, беззаветная преданность Евангелию, и сейчас, находясь среди зрителей, он думал, как поступил бы теперь Димитрий, будь он на свободе, и отважный замысел созрел в его сердце... В ночь на 26 октября в тюрьму к Димитрию вместе с Луппом пришел закутанный плащом юноша. Он долго беседовал с Димитрием, и Димитрий, смотря на него проникновенным, просветленным взглядом, после краткого раздумья благословил его на подвиг и предсказал, что этот день будет для него днем победы и днем его гибели за Христа.

26 октября 306 года по Солуни разнеслась странная весть: в этот день утром юноша Нестор вызвал на единоборство страшного Лия. Люди смеялись, покачивали головой, вздыхая над сумасбродством молодости, и все жалели отчаянного молодого человека.

Цирк был переполнен. Галерий Максимиан был в радостном настроении, предвкушая интересное зрелище. Лий, тупо смотря в толпу бычьими глазами, с самодовольной усмешкой ждал очередной жертвы; он засмеялся, увидев, что его противник — незрелый юноша, почти мальчик. Прежде чем вступить в бой, Нестор, пав на колени, обратился к Богу с пламенной молитвой. Глядя горящими глазами в голубое небо, он громко молился, чтобы Бог Димитрия благословил его руку и избавил от гибели тысячи людей. Тяжелый вздох прошел по толпе; сотни людей подняли вслед за юношей глаза к небу, лицо императора скривилось злорадной усмешкой: новый урок христианам, обнаглевшим после ухода Диоклетиана, — посмотрим, поможет ли ему «Бог Димитрия»?

Затем начался бой; Лий превосходил Нестора опытом; однако молодой Нестор был более подвижен, ловок, и силы у него были более свежие, чем у его уже немолодого соперника. Как все македоняне, Нестор много занимался спортом, а вчерашнее предсказание Димитрия наполняло его сердце несокрушимой верой в победу. Первые движения Нестора заставили знатоков насторожиться — Лий встретил достойного противника. Еще несколько движений — и гул пронесся по цирку: Нестору удалось неожиданным приемом сбить с ног гиганта, и вот, страшный Лий летит вниз, на копья... Ошеломленные воины не успели раздвинуться — и любимец Диоклетиана повис на остриях, истекая кровью.

После минутного молчания толпа разразилась победным кликом, а император, встав со своего места, с перекошенным от ярости лицом скомандовал: «Приверженца галилейской секты — на копья!» Несколько воинов ринулись на помост и тут же, повалив Нестора, сбросили его вниз. Так юноша Нестор совершил в этот день свой подвиг и погиб за Христа.

Правильно ли поступил Нестор, вступив в бой с Лиём, и правильно ли поступил Димитрий, благословив его на поединок?! Да, они оба поступили правильно и в полном соответствии с духом христианства, которое проповедует всепрощение, когда речь идет о врагах личных, и благословляет на борьбу, когда надо спасать ближних. «...Яко же убо лиеву низложил еси гордыню и на подвиг дерзновение сотворив Нестора, тако, святе Димитрие, Христу Богу молися даровати нам велию милость», — восклицает Церковь словами тропаря св. Димитрию.

Причисляя и юношу Нестора к лику святых мучеников (память его 27 октября, на другой день после дня св. Димитрия), Церковь называет его Христовым воином и воспекает в тропаре его бессмертную славу: «Страдальчествовав добре, бессмертную славу наследовал еси ныне, яко воин изрядный Владыки был еси молитвами Димитрия мученика; с ним, убо, Несторе мудре, моля не престай о всех нас».

«О поражении Нестором Лия, — замечает архиепископ Сергей, глубокий знаток агиологии, — говорится в самых древних актах, и в поступке Нестора все заслуживает похвалы: поражена гордость борца, посрамлена страсть императора к сему борцу и к борьбе вообще, приписана победа единственно помощи Бога христианского».

Димитрий был убит в тот же день: под вечер к нему в темницу ворвалось несколько воинов, которые пронзили копьями погруженного в молитву узника. Он был похоронен Луппом; старый слуга выкупил у стражи тело своего бывшего господина, ставшего его братом во Христе; он совершил над ним христианское погребение и сохранил окровавленную одежду, снятую им с Димитрия; как величайшую реликвию, хранили ее солунские христиане, но вскоре весть об этом дошла до властей, и Лупп разделил участь своего господина.

Когда после Миланского эдикта настала веротерпимость, Христова Церковь стала громко прославлять мучеников... Димитрий Солунский — один из последних страстотерпцев — был окружен особой славой. «Кровей твоих струями, Димитрие, Церковь Бога обагри, давший тебе крепость непобедимую и соблюдая град твой невредим, того бо еси утверждение», — воспекает его Церковь словами кондака.

Величественный храм вознесся над гробом Димитрия — паломники со всей христианской Эллады потекли в этот храм; шли столетия за столетиями — и с каждым веком росла слава великомученика; в VII веке были открыты его мощи, в 875 году с далекого Запада император Карл Лысый обратился с просьбой изложить ему житие Димитрия Солунского. Просьба Карла Лысого была исполнена библиотекарем Анастасием, который изложил житие Димитрия на латинском языке. В X веке (согласно преданию) от мощей св. Димитрия (сохранились

в костях) истекла жидкость, после чего к святому Димитрию стали прилагать новый эпитет: «Мироточивый».

И в славянском мире святой Димитрий был одним из наиболее почитаемых мучеников. Ревностным почитателем святого Димитрия был равноапостольный Кирилл — славянский учитель (родом солунянин), который окончание своего перевода Священного Писания на славянском языке специально приурочил ко дню памяти святого Димитрия Солунского.

На Руси издревле чтили «Димитриев день»; 10 января 1198 года город Владимир с величайшим торжеством встретил присланную из Солуни икону святого Димитрия, написанную на доске его гроба. Евфросиния Полоцкая, как величайшую святыню, привезла из Святой Земли крест с частицами мощей великомученика.

Но особенно чтили святого Димитрия в простом русском народе; в XIII—XIV веках имя поборника справедливости призывалось всеми русскими людьми, изнывавшими под татарским игом. Образ великомученика, благословившего Нестора дать отпор жестокому Лию, вдохновлял поработенных людей на борьбу с поработителями.

XX век... Более тысячи шестисот лет отделяют нас от того времени, когда пал от руки убийц Солунский страстотерпец, но не умолкает слава Димитрия. И до сих пор верующие люди празднуют его память 26 октября.

Прот. К. Константинов,
кандидат богословия

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ

(КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ)*

ПАРТЕСНОЕ ПЕНИЕ

С самого начала XVII века на Руси началась новая эпоха в истории развития церковного пения. Эту эпоху обычно называют эпохой гармонического, или партесного, пения. Родиной его была Юго-Западная Русь, которая в борьбе с унией и католичеством вынуждена была противопоставить гармоничности католического «органного гудения» свои православные «многоголосные составления мусикийские», как одно из средств удержания православных от соращения в латинство (Д. Разумовский, Патриаршие певчие дьяки и поддьяки и государеви певчие дьяки).

Организаторами этого дела были юго-западные братства, которые при православных монастырях открывали школы с обязательным обучением церковному пению и всюду при церквях заводили хоры.

Репертуаром для этих хоров служили местные («киевские») многоголосные напевы, которые подвергались специальной хоровой обработке на основе западноевропейской гармонической системы. Несмотря, однако, на успех этой новой церковной полифонии, уния все же распространялась и теснила православных. Многие южнорусские певцы, «не хотя своя христианская веры порушати», покидали родину и переселялись в Московское государство и, таким образом, несли с собой совершенно своеобразное, никогда не слышанное на Руси, новое хоровое партесное пение.

Нужно сказать, что Москва тяготела к многоголосному церковному

* Продолжение. Начало см. в «Ж. М. П.» № 10.

пению и в начале XVII века уже имела свои демественные партитуры так называемого строчного безлинейного пения на два, три и даже четыре голоса. Строчным оно называлось потому, что писалось цветными крюками в несколько строк над строкою текста, причем каждая строка представляла собой партию для известного голоса. Гармония строчного пения основывалась на «триестествогласии», то есть на чистом трезвучии в разных положениях и обращениях, но отличалась своим крайним примитивизмом и громадными музыкальными недостатками. Современники относились к строчному пению по-разному: одни его называли «мусийским, красногласным составлением, премудрейшим и спорейшим», другие, напротив, находили в нем «несогласное трегласие, шум и звук издающее, и токмо несведущим благо мнится, сведущим же неисправно положено быти разумеется» (Разумовский, вып. 2, стр. 216). Вряд ли строчное пение имело практическое применение за географическими пределами Москвы (по крайней мере, в первой половине XVII века), но оно, безусловно, сыграло важную роль в смысле подготовительной ступени к принятию южнорусского партесного пения и своим «триестествогласным» несовершенством выгодно подчеркивало и оттеняло «совершенство» последнего.

Юго-западное партесное пение сразу же нашло себе самых горячих поклонников и пропагандистов в лице государевых и патриарших певчих дьяков и их высоких покровителей. Для руководства и для пополнения государева и патриаршего хора знатоками нового, партесного пения из Киева вызываются специалисты — певцы и учителя, которые и прилагают все свое умение и старание в этом деле. Благодаря этому уже в царствование Федора Алексеевича у нас получают широкое распространение духовные стихи, «канты» и «псалмы», которые очень скоро и навсегда вытеснили наше древнее демественное пение. Патриарх Никон, «превелие имея придежание до пения... наполнил клиросы предивными певчими с гласы избранными». Еще за несколько лет до своего патриаршества он завел в новгородском храме св. Софии «киевское пение, пение одушевленное, паче органа бездушного, и такого пения ни у кого не было» (там же).

Нужно сказать, что в православной массе, свыкшейся с многовековой культурой строгого церковного унисона, многоголосное пение насаждалось и прививалось не без борьбы. Со стороны православных по отношению к этому нововведению на первый план выдвигался вероисповедный критерий: православно или неправославно новое пение? Уже одного факта, что это пение шло на Русь не с традиционного Востока, а с латинского Запада, было вполне достаточно, чтобы считать его еретическим. Когда во время московского лихолетья в Кремле поляки построили себе костел и в нем совершали богослужения с хором и органом, то святейший патриарх Гермоген с болью в сердце говорил: «Я всех благословляю помереть за православную веру; вижу ее поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть!» (Соловьев, т. 2, стр. 983). Слова патриарха Гермогена были гласом всей древней Руси. Смущало русских в новом пении то, что «поют ни по-гречески, ни по-словенски, а согласием органным» (Преображенский, стр. 46), то есть поют не унисонно, а многоголосно. Среди духовенства и мирян появился целый ряд как сторонников, так и противников многоголосного пения. В литературе этого периода разгорелась острая полемика по этому вопросу. Однако борьба с «согласием органным» была равносильна борьбе с царем и патриархом, а поэтому сторонники унисона волей-неволей должны были смириться, и партесное пение быстро стало утверждаться не только в столичных и соборных храмах, но даже и в монастырях.

Первая пора увлечения новым певческим искусством у православных выразилась вначале в том, что они, еще не умея объединить в одну

форму свое и чужое, принимали целиком в свою собственность польские католические «канты» и «псалмы» почти без изменения их напева и текста, а иногда, придавая католическому тексту только более православный вид, переносили их прямо на церковный клирос. Но вскоре стали появляться и самостоятельные опыты в смысле приспособления к новому стилю своих произведений. Наиболее удобным материалом для таких опытов были мелодии тех кратких и позднейших напевов, которые особенно отступали от знаменных, то есть «произвольные» напевы, о которых уже упоминалось выше.

Хотя многоголосное церковное пение никогда не воспрещалось в Православной Церкви и на Руси, оно было введено в богослужебное употребление с согласия восточных патриархов (1668 г.), но оно не имело высокой музыкальной ценности и представляло собой всего лишь отпрыск и сколок итальянского католического хорового стиля. Наиболее ярким представителем этого искусства был Н. Дилецкий, приглашенный из Польши в Москву царем Федором Алексеевичем. Дилецкий написал несколько трактатов по музыке. В 1679 году он издал в Москве один из этих трактатов, который назывался «Идея грамматики мусикийской», и стал авторитетным теоретиком в области церковного пения. В своей «Идее», а также и в других трактатах, он дает указания и наставления к «сочинению концертов» в таком, например, духе: «стихий либо вземши ко творению, имаши разсуждати и разлагати: где будет концерта, сиречь гласа, со словом борение, где все вкупе...». Правилom, которое называется «атексталис», предлагается сначала составить музыку, а затем подгонять под нее какой-либо текст... («Русская песня в Риге» (сборник). Рига, 1939, стр. 56). В результате таких советов вскоре появились и первые «концерты», которые очень ярко отразили в себе весь характер польского влияния на русское православное церковное пение. Над их сочинением, кроме самого Дилецкого и его земляков — Коленды, Заславского, Заюшевича и других, много труда положили и их ученики, первые русские композиторы, главным образом из числа тогдашних певчих дьяков: Бавыкин, Титов, Сифов и другие. В конце прошлого столетия в рукописном отделе библиотеки бывш. Синодального училища хранилось свыше 1500 отдельных композиций — «концертов» польского стиля. Самые затейливые названия и прозвища херувимских, «Милость мира» и прочих песнопений вроде «Королев плач», «Веселого распева», «Слеза», «Скок», «Труба», «Волынка», «С чердака», «С выходками», «С отменою», «С переговоркою» и т. д. прекрасно говорят сами за себя и вполне характеризуют достоинство и стиль этого «мусикийского художества».

Со второй половины XVIII века польское влияние на наше церковное пение уступило свое место итальянскому влиянию. В 1735 году по приглашению русского двора в Петербург прибыл с большой оперной труппой итальянский композитор Франческо Арайя, который в продолжение 25 лет руководил придворной музыкой. После него в должности придворных капельмейстеров служили Галуппи, Сарти и другие итальянские маэстро. Все они благодаря своим блестящим дарованиям, учености и прочному придворному положению пользовались авторитетом корифеев музыкально-певческого искусства в России. Занимаясь преимущественно оперной музыкой, они в то же время писали и духовную. Так как самобытный дух и характер исконно православного роспевного фольклора для них был далек и чужд, то все их творчество в области церковного пения заключалось в составлении музыки на слова священных песнопений, и почти единственной формой для такого характера произведений были «концерты». Так было положено начало новому, слашавому, сентиментально-игривому, оперно-концертному итальянскому стилю в православном церковном пении, который еще не изжит у нас и до сего дня.

У русских церковных людей этот стиль сразу же получил определение, как «бесовертошный, балалаечный, скомороший», тем не менее итальянцы встретили самых верных себе приверженцев и подражателей в лице многих наших доморощенных регентов и певцов, и в первую очередь тех, которые, как мы видели, уже прошли предварительную «польскую» подготовку. Началась огульная перекройка православного церковного пения с польского на итальянский лад. Адепты нового музыкального направления, в лице светской знати, высшего духовенства, купцов и разных меценатов, всюду и везде заводили штатные и вольные хоры, которые услаждали их концертным пением. К концу XVIII века «концерты достигли до самых отдаленных, внутренних городов России. Они исполнялись в соборных и других церквах» (Разумовский и, вып. 2, стр. 227).

До какой степени итальянский стиль принижал церковное пение и портил вкусы, можно судить хотя бы по тому, что за богослужениями исполнялась басовая ария из оперы Спонтини «Весталка» на слова «Тебе поем», а на музыку хора жриц из «Ифигении» Глюка пели «О, всепетая Мати...». Не щадили даже текст священных песнопений, и «в некоторых церквах, во время причастна, вместо концерта пели уже стихи, сочиненные по произволению» (там же).

Однако итальянцы музыкально воспитали и много серьезных последователей, которые в полной мере раскрыли свои таланты в церковном композиторстве. Так, у Сарти учились А. Л. Ведель, С. А. Дегтярев, С. И. Давыдов и прот. П. И. Турчанинов; Д. С. Бортнянский был всецело учеником Галуппи; у Цопписа и Мартини учился М. С. Березовский. Эти талантливые воспитанники итальянцев в свою очередь музыкально вырастили целую плеяду второстепенных церковных композиторов, которые, следуя по стопам своих учителей, безудержно сочиняли церковную музыку концертного типа в вычурной театральной манере, не имевшую ничего общего с церковным осмогласием и древними роспевами. Эта церковно-певческая сокровищница пока не привлекала к себе внимания; она находилась по-прежнему в одnogолосном изложении и была достоянием всего лишь «отсталых» деревенских дьячков и уставщиков захолустных монастырей.

Заполнившие православный церковный клирос итальянские концерты, невзирая на свою нередко блистательную внешнюю музыкальную сторону, состоявшую из эффектных чувствительных мелодий, украшенных ариозными соло, пассажами, трелями и прочим, в то же время отличались убожеством религиозной идеи, скудостью внутреннего религиозно-музыкального смысла и представляли собой (и представляют) всего лишь «певческую музыку», а не православное церковное пение. Впрочем, нельзя не отметить и тот неоспоримый факт, что итальянская музыка имела и свое благотворное влияние на общее дело нашего церковного пения. Оно выразилось не только в развитии музыкально-творческих сил русских талантов, но главным образом в пробуждении ясного сознания того, что свободные духовные сочинения, не имеющие непосредственной связи с древними православными роспевами, не есть образцы православного церковного пения и никогда не могут быть таковыми.

Такое сознание впервые практически было проявлено Бортнянским и Турчаниновым. Дав полную волю развернуться своим талантам на поприще свободного сочинительства произведений в итальянском духе и стиле, они сумели приложить эти таланты и к делу гармонизации древних церковных роспевов, — делу, как мы видим, совершенно новому, если не считать тех, не имевших почти никакого значения и не оставивших никаких следов, попыток, которые были проявлены в этом направлении отчасти в «строчном» пении и отчасти в гармонизации киевских напевов в духе польской «мусикии». Вполне естественно, что

гармонизация древних роспевных песнопений как у Бортнянского, так и у Турчанинова носит западный характер. Они не учитывали того, что наши древние песнопения не имеют симметричного ритма, а потому не могут вписаться в европейскую симметричную ритмику. Обходя эту существенно важную особенность, они искусственно подгоняли к ней древние песнопения, и в результате изменялась и самая мелодия роспева. Это особенно относится к Бортнянскому, поэтому его переложения рассматриваются всего лишь как свободные сочинения в духе того или другого древнего напева, а не как гармонизации в строгом смысле. Турчанинов как техник и композитор стоял гораздо ниже Бортнянского, однако его гармонизации, несмотря на их западный характер, стоят гораздо ближе к древним напевам и более удерживают их дух и стиль.

По примеру Бортнянского и Турчанинова большой вклад в дело гармонизации древних роспевов сделал А. Ф. Львов, но его направление резко отличалось от стиля гармонизации Бортнянского и Турчанинова. Будучи воспитан в культуре немецкой классической музыки, он приложил к нашим древним роспевам немецкую гармоническую оправу со всеми ее характерными особенностями (хроматизмы, диссонансы, модуляция и пр.). Находясь на должности директора Придворной певческой капеллы (1837—1861 гг.), Львов при сотрудничестве композиторов Г. И. Ломакина и П. М. Воротникова гармонизовал в немецком духе и издал «Полный круг простого нотного пения (Обиход) на 4 голоса». Гармонизация и издание Обихода были большим событием, ибо до этого весь цикл осмогласных песнопений исполнялся церковными хорами без нот и изучался по слуху. Нотное издание Обихода быстро распространилось по храмам России под высокой маркой «образцового придворного пения». Преемник Львова по должности директора капеллы — Н. И. Бахметев (1861—1883 гг.) переиздал этот Обиход и еще резче подчеркнул все музыкальные особенности немецкого стиля своего предшественника, доведя их до крайности. Пользуясь прерогативами цензора духовно-музыкальной литературы, Бахметев не разрешал к печатанию и распространению тех музыкальных сочинений, которые были не в его духе, что в большой мере способствовало прочному укреплению его «Обихода нотного пения» на церковных клиросах, и с тех пор, по выражению одного музыканта, «своды старинных наших храмов еще и до настоящего времени оглашаются его бездарными, тощими органически и музыкально нелепыми безделушками, известными у нас под именем «придворного» и «обычного» напевов» (М. Гривский. О недостатках соврем. церк. пения. Новгород, 1911, стр. 3).

Гармонизация Львовым древних церковных роспевов и его приемы гармонизации вызвали ожесточенную борьбу со стороны многих композиторов и практиков церковного пения, которая получила широкую огласку в музыкальной литературе этого периода. Однако в этой борьбе самый решительный удар львовской гармонизации, а вместе с ней и всему существовавшему методу применения европейской гармонии к нашим древним церковным роспевам, был нанесен М. И. Глинкой и кн. В. Ф. Одоевским. Путем глубокого изучения древних церковных роспевов они пришли к твердому убеждению, что гармонизация наших древних роспевов, а также оригинальные сочинения, предназначенные для церкви, должны основываться не на общеевропейской мажорной и минорной гаммах, а на древних церковных ладах; что по свойству древних церковных мелодий в них нет места для диссонансов, нет даже ни чисто мажорного, ни чисто минорного сочетания звуков; что всякий диссонанс и хроматизм в нашем церковном пении недопустим, ибо искажает всю особенность, всю самобытность древних роспевов.

На заре нашего века выходит уже целая плеяда музыкально одаренных и высокообразованных людей — продолжателей дела, начатого Глинкой, которые с энтузиазмом взялись за изучение и широкое использование мелодий церковных роспевов не только в качестве образцов для гармонизаций, но главным образом в качестве высшего критерия стиля, — критерия, властно определяющего и мелодический материал и формы его многоголосного исполнения. К такому относятся Н. М. Потулов, М. А. Балакирев, Е. С. Азеев, Д. Аллеманов, В. М. Металлов и целый ряд других. Однако самое веское и авторитетное слово в деле гармонизации и художественной обработки наших древних церковных роспевов, бесспорно, принадлежит А. Д. Кастальскому.

Этим, в сущности, и исчерпываются основные вопросы исторического развития русского православного церковного пения. Многое в этом процессе представляется еще неясным или вовсе темным, потому что о церковном пении, к сожалению, еще не существует у нас должного фундаментального исследования ни в историческом, ни в музыкальном отношении. Труды наших известных археологов церковного пения (Одоевского, Потулова, Ундольского, Разумовского, Металлова и др.) являются всего лишь отрывочными, эпизодическими исследованиями, научными набросками и собранием не совсем обобщенного материала, требующими самого серьезного изучения и систематизации.

ОБЩЕЕ И КЛИРОСНО-ХОРОВОЕ ПЕНИЕ

«Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте; яко Царь всяя земли Бог, пойте разумно» (Псал. 46, 7—8).

Православное богослужение по своей идее является соборным молитвенным деланием, где все «едино есмы», где все должны «единими усты и единым сердцем славить и воспевать» Господа. Древнехристианская Церковь всегда весьма строго соблюдала эту идейную сущность богослужения, и весь литургический материал, предназначавшийся как для песнословия, так и для славословия, исполнялся тогда исключительно или преимущественно соборно, посредством пения (св. Иоанн Златоуст, Беседа 36 на 1 послание к Коринфянам): «Древле все пели вместе, что и мы теперь делаем... Жены, мужи, старцы и юноши различные полом и возрастом ни мало не различествуют песньми, ибо все составляют единое сладкопение...» и «говорения» («сказывания», «глаголанья»). О второй из этих форм исполнения песнопений говорится в Деян. 4, 24 и след.: «Они же, выслушав, единодушно возвысили голос к Богу и сказали: Владыко Боже...». Достаточно длинный и сложный по содержанию текст этой молитвы (стт. 24—30), принимая во внимание «единодушие», мог быть «сказан» всем собранием (стих 4 — «около пяти тысяч») только, так сказать, под «диктовку» руководителя собрания, нараспев, речитативно. Без этого условия массовое произношение этой молитвы не могло бы дать эффекта «единодушия», включающего также понятие стройности, и явилось бы хаотичным, нечленораздельным гудением толпы.

Клиросно-хоровое пения ранняя христианская богослужебная практика не знала. Это не противоречит 15-му правилу Лаодикийского Собора, в котором речь идет всего лишь о тех певцах, которые, незаконно присваивая себе полномочия «канонических» певцов, дерзали самовольно руководить общим пением верующих (см. толкование еп. Никодима в его книге «Правила Православной Церкви», т. 2, СПб., 1912, стр. 92). Общим пением и «говорением» в храме могли ру-

ководить особо посвящавшиеся для этой цели так называемые канонические «певцы», о которых упоминается уже в Апостольских Правилах (Прав. 26). На протяжении многих веков роль этих певцов как руководителей, по-видимому, никогда не выступала за пределы их непосредственных обязанностей. Это совершенно ясно видно, например, из новеллы Юстиниана от 562 года, узаконявшей при Константинопольском храме св. Софии постоянный штат церковнослужителей, где на 60 пресвитеров, 100 диаконов, 40 диаконисс, 90 иподиаконов и 110 чтецов полагалось только 25 «певцов». Такое же количество штатных певцов утверждалось и новеллой Ираклия от 612 года (Никодим, Правила православной Церкви, т. 1, СПб., 1911, стр. 487). Однако вопреки строго установленным обязанностям певцов как руководителей, с IV—V века их роль и полномочия постепенно начинают расширяться за счет ограничения участия в богослужениях верующих. Причина этого кроется, по всей вероятности, в том литургическом переломе, который в ту эпоху был вызван острой догматической борьбой, повлекшей за собою интенсивное развитие монашества, богослужебных чинов, уставов и песнотворчества с усложнением его догматического содержания, что, в свою очередь, не могло не усложнить и музыкальной стороны песнотворчества. Так или иначе, но действия певцов со времени указанной эпохи начинают все более и более распространяться в сторону самостоятельного исполнения в первую очередь той изменяемой уставной части богослужения, которая была технически неудобна или музыкально трудна для общего исполнения.

Историческое нарастание монопольной роли певцов в богослужениях и соответственное ему ограничение общего пения почти невозможно проследить в ходе истории из-за отсутствия данных, тем не менее этот процесс имеет некоторые следы в богослужебных чинопоследованиях. Так, например, в самом древнем из известных списков литургии — Барбериновом, относящемся к VIII—IX в., все песнопения литургии предназначаются только для общего исполнения («людие»), тогда как в более поздних литургических списках встречаются обозначения то «людие», то «лик» (клирос). Отсутствие строгой определенности в обозначениях несомненно говорит о том, что и в богослужебно-песенной практике существовала неопределенность в ту отдаленную эпоху. Эта же неопределенность, по-видимому, была перенесена и на Русь.

Любовь русского народа к пению вообще, являющаяся его характерной природной чертой, не могла не привлекать верующих к участию в церковном пении. В древнем русском рукописном Служебнике преп. Антония Римлянина († 1147) предписывается, например, исполнять песнопения евхаристического канона сообща, соборно. (См. архиеп. Филарет. Обзор песнопевцев...). Нужно полагать, что это со всей точностью и осуществлялось на практике, ибо диктовалось и чувством искреннего, глубокого благочестия наших предков, и их богобоязненным отношением к духу и букве церковного устава (предписания Служебника). В древнем сказании о свв. братьях Борисе и Глебе упоминается о том, что при двукратном перенесении их мощей (в 1072 и 1115 годах) верующие восклицали: «Кирие елейсон». То же самое делали и звенигородцы в 1146 году по поводу освобождения от врагов (Одинцов, Порядок общественного богослужения, стр. 71).

Скудость источников лишает нас возможности иметь полное представление о степени и объеме участия верующих в богослужебном пении на Руси до XVI века, но они дают все же основания полагать с некоторой уверенностью, что круг их участия в церковном пении был достаточно обширен и что исторический процесс его сужения находился в непосредственной зависимости от развития монастырей и степени их влияния на богослужебный уклад мирских храмов. Всецело подражая монастырям, мирские храмы безусловно ограничивали практику общего

пения, отдавая предпочтение молчаливой молитве и выслушиванию песнопений.

В наших современных русских, а также в греческих Служебниках роль активного участия верующих в богослужебном песнопении сведена на нет (имеем в виду славянский Служебник, издания 1900 года, и греческий, Афинского издания 1930 года). Так, например, на литургии св. Иоанна Златоуста участие всех верующих («людие») в песнопениях ограничивается только тремя случаями: 1) предъевангельским ответствием «и духови твоему», 2) Символом веры и 3) молитвой Господней «Отче наш». Все прочие песнопения предписывается Служебником исполнять «лику». Особого внимания здесь заслуживает указание исполнять ектенийные воззвания «ликом». Это указание стоит в явном противоречии с предписанием Типикона, где находим такое замечание: «...речем и о святей всем единой молитве... Миром Господу помолимся... О свышнем мире... Священник бо молится вкупе с людьми и глаголет: О людие, помолимся Господу, да даст мир Свой нам и спасет души наша. И отвещают людие: Господи, помилуй... Егда же глаголет диакон: Рцем вси: сей же глагол не ино что приносит разумети, но точию самое, еже всем вкупе молитися, не клиру точию единому, но и всем обретающимся в церкви... Сего ради в служебниках пишется, людие глаголют сие, или ѡно, на нихже местех написася... Во святей же Восточной Церкви не инако творится, но тако якоже пишется. Идеже написася, людие глаголют, то вси вкупе, елицы обретаются в церкви, глаголют: или Господи, помилуй, или Подай, Господи... Аще бы ко единому клиру глаголалося отвещати, то не бы писали: людие глаголют...» (Типикон. Последование Четырдесятницы «О поклонех и молитве церковное законоположение»).

Весьма примечательно, что еще до XVI века на Руси ектенийные возгласения, Символ веры, «Отче наш» и, по всей вероятности, некоторые другие молитвословия исполнялись за богослужениями соборно, по способу «глаголания» («сказывания», «говорения»), подобно тому, как еще и теперь у нас (кое-где) произносится молитва пред причащением (см. Голубинский, История Русской Церкви, т. 2, М., 1917, стр. 439—441). С XVI столетия это молитвословное общее «глаголание» в русской церковной практике исчезает. Трудно понять и найти причины, вызвавшие устранение верующих от этой древнейшей, ведущей свое начало с апостольских времен, универсальной, детски простой, всем доступной и одновременно самой активной формы участия в богослужениях. Заметим здесь в частности о молитве Господней, что она, согласно духу и букве евангельского текста (Лк. 12, 2), а также по смыслу возгласа на литургии, непременно должна «сказываться» сообща, а не «исполняться» ликом («И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призывать Тебе небесного Бога Отца и глаголати», а не «пети»). В древности это строго соблюдалось и в этом — особая мудрость Церкви, ибо петь не все могут (дети, старцы, лишенные музыкального слуха и т. д.), а «глаголати» — все, кроме немых. Греки, очевидно, увлеченные примером русских, с XVII века также стали петь «ликом» ектенийные воззвания, хотя «Верую» и «Отче наш» они пока еще «глаголют» сообща.

С XVII столетия на Руси началась эпоха увлечения «партесным» церковным пением. Всего через несколько десятилетий с начала этого увлечения «партесы» проникли даже за крепкие стены и ограды наших монастырей — этого оплота исконных православных традиций и благочестия. Верующие русские люди, веками воспитывавшиеся в сродных их уху и сердцу церковно-музыкальных традициях распевных мелодий, с появлением чуждого им партесного репертуара, лишились даже такого простейшего способа активного участия в богослужениях, как «подпевания» или «подтягивания» за клиросом, и постепенно свыклись с

вынужденной ролью пассивного, молчаливого «слушателя» богослужений. Живая идея песнословной соборности этим самым практически была похоронена; и клиросный хор приобрел у нас значение своеобразного, действующего от имени пассивных, безмолвно молящихся в храме, верующих. Заметим кстати, что Западная Церковь в этом отношении имеет некоторое преимущество. Благодаря введению органа, она практически сохранила и осуществляет в большей мере идею песнословной соборности, и клиросный хор там имеет значение, так сказать, совершенно необязательного добавления к богослужению. Однако это преимущество она приобрела вопреки древнейшей христианской традиции, исключаяющей, как известно, употребление в богослужениях инструментальной музыки. Появление на Западе уже относительно усовершенствованных больших органов относят к IV веку, однако во всеобщее употребление они были введены в VII веке при папе Виталиане.

В синодальный период истории нашей Церкви неоднократно предпринимались заметные попытки к своего рода сближению верующих с церковным пением. Сюда нужно отнести указы 1797, 1816 и 1850 годов, запрещавшие исполнение на богослужениях концертов (не имевшие, кстати, никакого действия); неоднократные печатные издания круга богослужебных книг одноголосного нотного пения (в редакции издания 1772 года) и т. д. Однако все это на деле не принесло каких-либо значительных результатов, и это вполне понятно, ибо древлеправославное церковное пение, вследствие насильно привитого ему характера искусственности и светскости, подверглось профанации, потеряло свое подлинное, самобытное «лицо».

В нашу современную церковную эпоху также по инициативе Первоверховного нашей Церкви, Святейшего Патриарха Алексия, почти во всех храмах нашего Патриархата общее церковное пение стало неперменным фактором в практике общественного богослужения. Правда, в некоторых храмах ему отводится еще самое ничтожное внимание, но зато есть и такие храмы, где все богослужения проводятся при общем пении. Напевы при этом употребляются самые простые, всем известные и доступные. Пение глубококомолитвенное и стройное.

Отдавая должное общему церковному пению, мы отнюдь не имеем намерения умалить важность и значение клиросно-хорового пения. При существующем в нашей Церкви богатейшем наследии песенного репертуара и сложной системе богослужебного устава, практика общего церковного пения у нас не может осуществляться в своем полном объеме, и это уже само собой определяет все значение и необходимость клиросного хора. Клиросно-хоровое и общее пение в наших богослужениях не могут и не должны исключать друг друга, но призваны песенно восполнять друг друга и взаимодействовать, что обычно всегда и бывает при разумном распределении соответствующих песнопений между ними. При таком осмысленном взаимодействии клироса и верующих раскрывается очень широкая перспектива в деле воскрешения почти совсем забытого у нас древне-христианского «антифонного» способа пения, который отличается особым богатством и разнообразием своих музыкально-исполнительских форм. Способ антифонного, или строфического взаимного, пения изобилует богатством музыкально-технических вариантов, когда, например, песнопения от начала до конца могут исполняться верующими, разделенными на два лика, или песнопение произносится нараспев одним певцом, а верующие припевают определенный стих, припев, доксологию; или верующие могут исполнять песнопение попеременно с ликом, делиться на мужские и женские голоса и т. д.

Клиросное хоровое пение естественно всегда тесно связывается с проблемой «церковности» музыкального стиля богослужебно-песенного репертуара. Это — самый острый, самый больной и всегда самый актуальный вопрос.

Согласно укоренившейся традиции, за клиросом установилось «право» полной самостоятельности и бесконтрольности петь что угодно и как угодно. Если порядок богослужебных молитвословий и священнодействий строго регламентируется предписанием церковного устава, а также чувством благоговения и страха Божия, вследствие чего не всякий священнослужитель дерзнет внести в богослужебный чин «отсебятину», то по части музыкального исполнения священных песнопений такое самоволие не признается у нас за дерзость, но считается естественным и нормальным явлением. Широко используя это «право», руководители клиросных хоров, часто вследствие отсутствия чувства церковности, а больше вследствие своего невежества, — сплошь и рядом пренебрегают в выборе песенного репертуара подлинными церковно-музыкальными образцами и вместо этого преподносят молящимся псевдо-церковную музыку, в большинстве случаев представляющую собой импровизированные, «свои» напевы, которые не имеют никакой цены и не должны исполняться в храмах.

Вот, например, уже более ста лет, как своды почти всех наших храмов оглашаются ежедневно от недели мытаря и фарисея до пятого воскресенья Великого поста известным музыкальным сочинением — «Покаяния отвержи ми двери, Жизнодавче...». И кто не восхищается этим песнопением?! По мнению известного знатока церковного пения, прот. Д. Разумовского, это произведение Веделя «выражает мысль и глубокое сокрушение о грехах. Восклицание баритона — «Окаянный трепещу» — как бы невольно и весьма естественно исходит от сердца, проникнутого благодатным сокрушением о своих греховных язвах...» (Разумовский, вып. 2, стр. 229). При всем глубоком уважении к научному авторитету прот. Разумовского (профессор Московской консерватории в 1858—1889 гг.) и безусловно большому музыкальному дарованию Веделя (ученик Сарти), никак нельзя согласиться, что музыка этого произведения выражает и вызывает покаянные чувства. Скорей всего она выражает полное противоречие высокой поэзии этого глубокопокаянного песнопения и рассеивает покаянные чувства. Это относится, в частности, хотя бы к музыкальной фразе «но яко Щедр, очисти», которая ассоциируется с совпадающей с ней почти до точности музыкальной фразой — «о ком я воздыхаю и страсть открыть желаю...» из дуэта Прилепы и Миловзора, оперы Чайковского «Пиковая дама». Музыкальная же фраза «Окаянный трепещу», изображающая, по мнению Разумовского, «благодатное сокрушение» и проч., является в сущности ярким примером недопустимого в церковной музыке приема, который в данном случае изображает всего лишь бесчинный вопль, исходящий из надменного и озлобленного сердца и, во всяком случае, не из сокрушенного... Наконец, может ли соответствовать чувству «благодатного сокрушения» допущенный в этой пьесе ритм марша и галопа? Нам думается, что это музыкальное произведение гораздо больше бы имело успеха и пользы, если бы оно исполнялось не в храмах и не на слова священного текста...

Руководители наших церковных хоров в выборе богослужебно-певческого репертуара обычно ориентируются на авторитет того или другого известного композитора, забывая при этом, что у каждого композитора и даже «знаменитого» могут быть произведения, далеко не соответствующие духу и стилю церковности. В этой связи достаточно указать хотя бы на известное трио Турчанинова «Воскресни, Боже»,

исполняемое в Великую субботу на литургии перед Плащаницей, в контраст с такими душепотрясающими песнопениями, как «Да молчит всякая плоть человека» и «Не рыдай Мене, Мати». То же самое необходимо сказать и по поводу наших бесчисленных «концертов» на текст ексапостилария Утрени Великого четвертка — «Разбойника благоразумного». Кажется, никто не понимал и не понимает, что допускаемые в этом песнопении исполнительские изощрения являются самой негодной «ложкой дегтя» в общем музыкально-литургическом строе потрясающего богослужения Страстной седмицы.

Подобных примеров из нашего церковно-певческого репертуара можно было бы привести много, но дело, конечно, не в примерах. Дело в том, что прошло уже почти триста лет, как наше исконно православное церковное пение, искаженное различными нецерковными влияниями, до сей поры не может занять в православном храме своего законного места. А уже давно пора вспомнить о том, что наши церковно-певческие сборники (Обиход, Триодь, Праздники, Октоих, Ирмологий) это не просто «старинные нотные книги», числящиеся в описи церковного инвентаря, а живая сокровищница всей Церкви Христовой, в основном переработанная глубоко нашим национальным музыкально-художественным творческим гением. Эта сокровищница содержит в себе, кроме несчетного множества песнопений осмогласных напевов, более 500 отдельных, самостоятельно цельных, высоко художественных «неосмогласных» произведений мелодического фольклора. В своем большинстве эти гениальные произведения гармонизированы нашими лучшими церковными композиторами и музыкантами на основе нашего собственного оригинального контрапункта, подчиненного особому, чисто русскому «асимметричному» ритму, и являются шедеврами нашей музыкальной литературы.

Утеря критерия в оценке «подлинности» стиля церковного пения является в первую очередь следствием недопонимания или вообще непонимания самой сущности православного церковного пения. Ведь обычно вопрос о «подлинности» церковного пения у нас не простирается далее пределов обывательского суждения о нем, и с этим понятием чаще всего связывается представление о каком-то церковно-певческом «обскурантизме», «пережитке», «староверчестве» и т. д., что уж никак не может быть совмещено с нашими величественными кафедральными соборами, торжественными архиерейскими богослужениями и т. д. Этому «отсталому» практически и противопоставляется «иное» церковное пение, которое якобы более отвечает духу современности. Критерием для определения музыкального «качества» этого «иног» пения является его «умилительность», «молитвенность» и «красивость». И если регенту-самоучке удалось тот или иной священный текст «оформить» подходящей музыкальной стряпней, отвечающей этим требованиям, — значит такое произведение уже и «православно», и «церковно», и смело может занять свое «законное» место в церковно-певческом репертуаре.

Многие руководители клиросно-хорового пения считают, что наш древний классический распевный репертуар слишком неудачно и неудобоисполнимо представлен в гармонизациях; является слишком строгим, тяжеловесным, сухим и т. д., исполнение же его в оригинальном унисонном виде — музыкальная отсталость, не пригодная для православных храмов, поэтому-де, волей-неволей, православное сознание должно мириться хотя и с не совсем церковными, но зато уж музыкально полноценными произведениями, которые и привычны, и мелодичны, и умиротворительны и т. д. Мы не станем здесь перечислять все то, что сделано в области гармонизации древних церковных распевов, — это должно быть известно каждому музыкально грамотному певцу; не станем отрицать и того, что многие гармонизации этих распевов действительно имеют характер строгости и серьезности и не вызывают у молящихся такого

чувства, какое вызывает, например, «сугубая ектения», носящая название «Птичка»... Однако какие бы веские доводы ни приводились в пользу «свободного» церковного пения, они бессильны и не могут снять с наших древних церковных песнопений печать молитвенности, церковности и самобытности, а в этом и заключается их величие и достоинство, красота и святость.

В нашей церковно-музыкальной литературе уже не раз приводились всевозможные доводы «за» и «против» в деле оценки древнего и современного церковного пения и их можно продолжать без конца, но настоящая справедливая оценка может быть дана только при разрешении самого кардинального вопроса в этой области, — вопроса о сущности православного церковного пения. В самом деле, ведь наше православное церковное пение складывалось на протяжении многовековой жизни всей Церкви и вместе с ней пережило целые эпохи, характеризующиеся расцветом и упадком. Эти исторические эпохи, как в зеркале, отразились во всех видах и формах нашего церковного пения — и в его византийском осмогласии, и в его греческих, славянских и собственно русских роспевах, и в музыкально-схоластическом сочетании «строчного» пения и, наконец, во всех формах и видах новейшей гармонии и контрапункта до самых свободных приемов и комбинаций современного музыкального направления. Наша богатейшая церковно-певческая нотная литература вмещает в себе всевозможные музыкальные стили, направления, особенности и личные композиторские вкусы и приемы со всеми их оттенками. Здесь безымянное «соборное» творчество Церкви в ее духе, характере и стиле, здесь и композиторские увлечения за пределы всего того, что мы называем «православным» и «церковным». «Где настоящая правда церковная, и где композиторская фальшь и ложь; где наше и где чужое; где православная стихира и где лютеранский хорал; где Дамаскин, где Палестрина и где Бах?» (Церк.-певч. сборн., т. I, СПб., 1898, стр. 4). Выйти из этого музыкального лабиринта нельзя без предварительного выявления самой сущности нашего церковного пения.

Прот. Н. Трубецкой

(Продолжение следует)

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСЛАВНЫХ И С П О В Е Д А Н И Й

ШВЕДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Стокгольм. Это название за последние десять лет повторялось бесчисленное количество раз во всех уголках земного шара. Несколько раз в шведской столице собирались представители миллионов людей, борющихся за мир. И всякий раз в Стокгольм приезжал высокий представитель Русской Православной Церкви Митрополит Николай. Православного иерарха тепло встречали жители Стокгольма; особенно радужный прием ему оказывался шведским духовенством. Митрополит Николай имел беседы со шведскими епископами, а в древнем городе Упсале был гостем шведского первосвященника.

Совсем недавно Москву посетила делегация Шведской Церкви; ее члены были приняты иерархами Русской Православной Церкви; делегация присутствовала за богослужениями в московских храмах.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ БЕСЕДУЕТ С ПАСТОРОМ ОСКАРОМ РУНДБЛОМОМ
В МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Так две Церкви, существующие уже тысячу лет, впервые за свою историю соприкоснулись друг с другом. В связи с этим уместно ознакомить наших читателей с историей Шведской Церкви.

Большую часть Скандинавского полуострова населяют шведы — потомки древних свеев и етов — мужественный, трудолюбивый и талантливый народ; дух его закалился и окреп в борьбе с суровой природой.

В дремучих скандинавских лесах встречаются огромные, покрытые мхом камни, и на этих камнях можно разобрать полустершиеся надписи, начертанные древними руническими письменами. Из этих надписей мы узнаем о живших здесь в старину отважных, воинственных племенах, о кровопролитных войнах, о воинственных викингах (варягах) и их вождях.

Сведения о первых христианах в этой суровой воинственной стране появляются с IX века.

Из Северной Германии, из Норвегии, Дании приходили сюда пламенные проповедники слова Божия; небезынтересно для русского верующего человека сообщение шведского историка о миссионерах из православной Руси, которые, возможно, были здесь в конце X века (см. Андерссон, «История Швеции», 1958). История сохранила для нас лишь немногие имена этих первых проповедников христианства в Скандинавии. Среди них выдающимся деятелем является Ансгар, как один из основоположников Шведской Церкви. Епископ Римберт, ученик и преемник просветителя Швеции, оставил нам подробное жизнеописание этого человека.

Ансгар родился в 801 году в Пикардии, на севере Франции. Он соединял в себе живой галльский сангвинический темперамент с бесстрашием приморского жителя — пикардийца. Еще в раннем детстве у Ансгара зарождается чувство христианской ревности — проповедь среди язычников является его детской мечтой. Четырнадцать лет от роду он покинул родную страну и отправился в паломничество по святым местам. В 815 году он поступил в Корбейский монастырь (в Вестфалии), и через несколько месяцев восторженный, пылкий подросток стал монахом-бенедиктинцем. Человек выдающихся способностей, он быстро овладел теми знаниями, которые мог дать ему средневековый монастырь; яркий ораторский талант создал ему популярность в германских землях. В 829 году осуществилась мечта пикардийского отрока: он отправился по поручению императора Людовика Благочестивого в дикие скандинавские земли. Выбор пал на столь молодого монаха потому, что никто не соглашался идти в страну викингов. «Он был муж, исполненный ревности и бодрости духа, — пишет про св. Ансгара Олф Далин, историк, поэт и государственный деятель XVIII века, — нимало не страшившийся прийти в чужое государство с такими благочестивыми намерениями».

Начало путешествия не сулило отважному миссионеру ничего доброго: еще по пути в Швецию он был ограблен варягами и вступил на шведскую землю, не имея при себе ни продовольствия, ни денег. Но это не заставило, однако, Ансгара вернуться назад. Миссионер совершил путешествие в глубь Швеции, питаясь подаянием, как последний нищий, и проповедуя Евангелие язычникам-етам. Наконец, он проник к королю и, предъявив ему полномочия от императора, повел переговоры о выкупе пленных христиан. Успешно выполнив свою миссию, Ансгар вернулся в Вестфалию.

В 858 году Ансгар, тогда архиепископ Гамбургский, снова прибыл в Швецию. В это второе путешествие Ансгара была основана Шведская Церковь (историки колеблются в дате, относя событие то к 858, то к 861 году). Ансгар неоднократно выступал с проповедью перед жителями страны; он проповедывал также шведским князьям, а однажды, явившись в собрание шведских предводителей — сейм, произнес пла-

менную речь, убеждая ввести в Швецию христианство. Его слушателями были поклонники древних скандинавских божеств — Одина, Тора и Фрея, которым приносились человеческие жертвы. Каждый швед не раз бывал в Упсале, где в главном языческом храме приносились кровавые жертвы, а в священной роще постоянно висели на деревьях 72 трупа людей, заколотых в честь Одина. Даже личная обида должна была в этой стране смываться непременно кровью.

Перед выступлением в сейме св. Ансгар получил предупреждение, что его ожидает смерть; за деньги ему обещали устроить побег. История сохранила мужественный ответ св. Ансгара: «Я ничего за свою жизнь не даю, она принадлежит Всемогущему Богу, дело Которого я исполняю; Он может ее у меня отнять, когда Ему угодно». Св. Ансгар вернулся и из этого путешествия невредимым. Скончался он в 865 году в Бремене.

Во время пребывания в Швеции Ансгар обратил в христианство, по-видимому, довольно значительное количество жителей и основал в Швеции иерархию, находившуюся в каноническом подчинении Гамбургскому архиепископу. К этому времени относятся также переговоры Ансгара с королем Олфом, во время которых были определены условия распространения христианства в Швеции. Согласно решению сейма, христианской религии была предоставлена свобода проповеди. С этого времени начинается период распространения христианства в Швеции.

В шведской историографии популярно сравнение христианской проповеди того периода (с IX века по XI век) с множеством ручейков, которые медленно и незаметно пробивают себе дорогу и постепенно сливаются в великое море. Медленно, но неуклонно христианская религия овладевает сердцами и умами воинственных и простодушных людей севера. Особенно усилилась христианская проповедь в XI веке: в 1001 году, впервые в истории Швеции, принял христианство один из королей — Олф Скетконунг, который был крещен в Скорро норвежским священнослужителем Иоанном Сигурдом. Олф ввел христианство на подвластном ему острове Готланде и, приняв, впервые в шведской истории, титул короля Швеции, был утвержден в этом звании папой.

После этого широким потоком хлынули в Швецию миссионеры из Англии, Германии и других стран. Из миссионеров XI века самую светлую память оставил о себе св. Зигфрид, который пользуется в Швеции не меньшей славой, чем св. Ансгар, и которого также часто называют апостолом Швеции. Так же, как св. Ансгар, св. Зигфрид был человеком со сложной биографией и с большим жизненным опытом: немец по происхождению, он долгое время служил архидиаконом при Йоркском архиепископе и из Англии прибыл ко двору Олфа Скетконунга. Зигфрид отличался большой энергией в распространении христианства. Вскоре он стал первым шведским епископом. По его инициативе был введен в Швецию латинский шрифт и значительно усилились связи Швеции с другими христианскими странами. Деятельность Зигфрида наталкивалась, однако, на ожесточенное сопротивление со стороны языческой знати: отважный миссионер не раз смотрел в лицо смерти.

Тем не менее XI век был веком полного и окончательного торжества христианства в Швеции. В 1066 году в пределах королевства уже насчитывалось 1100 христианских храмов и подавляющее большинство населения исповедовало христианскую религию. В 1075 году, при короле Инге, рухнули стены кровавого храма в Упсале, а затем христианство было провозглашено государственной религией — «основным законом». В истории Швеции началась новая глава.

В первое время в стране варягов проповедниками Евангелия были пламенные миссионеры-энтузиасты. Но с XII века епископы, которые происходили часто из знатнейших княжеских родов, сравнительно быстро превращаются в крупных феодалов, владеющих укрепленными замками, пользующихся привилегиями, благодаря которым они являются в своих землях, по словам одного историка, «малыми самодержцами». Несметные богатства, которые собирались в монастырях, усиливали могущество этих князей Церкви. Время торжества христианства в Швеции совпадает с господством Фолькунгов (1070—1387 гг.). Это было время феодальных междоусобиц, кровавой борьбы за престол, бесконечных заговоров и смут. Епископы и священники не были безмолвными зрителями в борьбе феодальных родов за власть, они участвовали в ней с мечом в руках: в 1375 году после одного сражения было найдено на поле битвы пять епископов и 600 священников, павших в бою...

И все же тихий свет Христовой веры светился во многих сердцах, дуновение Духа Святого носилось и в это суровое время над окровавленной страной. История сохранила нам имена озаренных благодатью людей, которые жили в ту пору.

Святой Эрик — вот человек, имя которого до сих пор является одним из самых почитаемых в Швеции. Короткое пятилетнее царствование этого короля представляет собой славную страницу в истории средневековой Швеции. Цитированный нами шведский историк Олф Далин, относящийся резко отрицательно ко всему католическому периоду истории Швеции, все же дает этому великому христианину следующую характеристику: «Он был такой враг роскоши и сластолюбия, что для обуздания своей плоти... носил на голом теле одежду из конских волос или из грубой шерсти других животных. Но больше всего его имя должны сделать бессмертным его милосердие к бедным и угнетенным, его любовь к правосудию и забота о благоденствии подданных... Значительно снизив налоги, он обратился к народу со следующими словами: «Я имею довольно всего; пользуйтесь своим добром спокойно. Я не требую от вас того, в чем ваши дети имеют нужду...»». И все же этот король-христианин был сыном своего времени: в 1157 году он вторгся со своими войсками в языческую Финляндию, чтобы принудить ее к крещению, — христианство было принесено в эту страну шведами на острие меча. Первый финский епископ Генрих был убит населением (19 января 1158 г.); однако вскоре финны стали еще более ревностными христианами, чем шведы. Св. Эрик был убит сторонниками языческой партии 18 мая 1161 года, в день Вознесения Господня, при выходе из храма.

Не меньшим почитанием было окружено в средневековой Швеции имя св. Бригитты, жившей в XIV веке. Дочь знатного вельможи Биргера Браге и жена видного сановника Олфа Гудмарсона, она отличалась глубокой религиозностью. Уйдя так же, как и ее муж, в монастырь, она затворилась в Алвастрейской обители в 1340 году, а все свое огромное состояние раздала при этом нищим и пожертвовала часть его в монастырь. По ее настоянию впервые была переведена на шведский язык Библия, а впоследствии св. Бригитта основала новый монашеский орден. Верующие любили Бригитту за благочестие, справедливость и за смелые публичные выступления против роскоши и разврата короля Магнуса, которому она приходилась двоюродной теткой. Умерла Бригитта 23 июля 1375 года в Риме и немедленно после смерти была канонизована папой. Ее «Откровения», написанные ею незадолго до смерти, были любимым чтением шведов в XIV и XV веках.

Следует также сказать о глубоком патриотизме, который проявляло в те времена шведское духовенство. Уже в XII веке Шведская Церковь решительно выступала и за национальную церковную независимость. Первоначально Рим подчинил Шведскую Церковь датчанам. Однако это решение вызвало единодушный протест всей Шведской Церкви, и в 1103 году папа Пасхалий II посвятил шведа в сан архиепископа Лундского, после чего Шведская Церковь стала фактически автокефальной. В 30-х годах XII века архиепископская кафедра была перенесена в Упсалу. Шведская Церковь с этого времени управлялась архиепископом и шестью епископами. Только в 1248 году Собор в Шеннинге провозгласил подчинение Шведской Церкви Риму (соответствующая папская булла была опубликована в 1250 году). Однако и после этого связь Шведской Церкви с Римом ощущалась лишь в очень слабой степени.

На протяжении всего средневековья шведское духовенство выступало против всех попыток датских феодалов поработить Швецию. Основная масса шведского духовенства, в частности, поддержала национально-освободительное всенародное восстание 1434 года против Кальмарской унии, которая фактически лишала Швецию независимости, подчинив ее Дании. Отважный рудокоп Энгельбрект возглавил это всенародное движение. Духовенство сражалось в рядах народного ополчения, и вскоре после того, как Энгельбрект был убит на острове Хельморе (1436 г.), епископ Томас из Стренгенса воспел в стихах его подвиги. Поэма епископа Томаса кончается гимном в честь национальной независимости. «О, благородный швед, ты стоишь теперь прочно, — пишет патриот-епископ, — прочнее, чем когда-либо раньше, и тебя нельзя сбить с пути. Ты рискуешь своей шеей, а также рукой ради свободы твоей родной страны. Бог да утешит и благословит тебя... Свобода — лучшее из всего, что можно найти на свете, свобода приносит счастье. Если хочешь быть благословенным, люби свободу больше, чем золото, ибо за свободой следует честь...». Следует упомянуть также о епископе-патриоте Кеттиле Карлссоне, возглавившем национальное восстание в 1464 году. Под его руководством крестьянское ополчение одержало победу над регулярными войсками датского короля Кристиана.

Вторая половина XV века и первая половина XVI — самый героический период в истории Швеции. Датские фогты стремились поработить свободолюбивый народ. Шведы ответили на иноземное вторжение народной войной. Освободительная война сплотила все патристические, здоровые силы.

Датское владычество просуществовало лишь несколько месяцев: в 1521 году вспыхнуло национальное восстание под руководством Густава Вазы. Очень быстро оно добилось полного успеха: датские войска были изгнаны из Швеции, вместе с ними бежал в Данию архиепископ Густав Тролле. Правительство Густава Вазы действовало более решительно, чем правительство Стурре: 24 июня 1527 года оно провело «редукцию» — конфискацию церковных земель. В эти годы в Стокгольме раздалась лютеранская проповедь. В качестве главных проповедников выступили Олаус Петри и его брат Лаврентий. Третьим начинателем шведской реформации был молодой пастор Лаврентий Андре. Главным требованием Олауса Петри было богослужение на родном языке. «Мы, шведы, — говорил он, — такой же Божий народ, как и все остальные, и наш язык дан нам Богом». К чести шведского реформатора, он категорически отвергал насилие в религиозных вопросах. «Никого нельзя заставить или принудить отправлять богослужение на шведском языке, так же, как нельзя вообще заставить слушать Слово Божие... — заявлял он. — Всякая проповедь только тогда приносит пользу, если ее слушаешь по доброй воле, а не по принуждению».

Между тем события развивались с необыкновенной быстротой: в

том же, 1527 году два католических епископа Иоанн Магни и Ганс Брак должны были покинуть Швецию, а 5 января 1528 года без санкции папы были посвящены три новых епископа: Магнус Санмар Стренгнесский, Магнус Гендриксен Скарский и Мартин Абоский. Они были рукоположены единственным оставшимся в Швеции епископом Педерни Магни Вестеросским, имевшим каноническое посвящение (был рукоположен в Риме). От этих епископов, рукоположенных 5 января 1528 года, заимствовала преемство вся современная шведская иерархия. 6 июня 1533 года Лаврентий Петри (родной брат и соратник Олауса) был возведен в сан архиепископа Упсалы — примаса Шведской Церкви, а в 1536 году Собор в Упсале официально провозгласил разрыв с Римом. Реформация стала в Швеции совершившимся фактом. 1541 год, когда был опубликован шведский перевод Библии, и 1548 год, когда был опубликован Новый Завет на финском языке (в переводе Микаэля Агриколы), являются также важными вехами шведской реформации.

Густав Ваза, один из самых замечательных государственных деятелей в истории Швеции, проводя твердой рукой политику церковной реформации, был, однако, осторожен и тактичен и сумел избежать как грубых оскорблений религиозных чувств, так и необузданного фанатизма. По его настоянию Собор 1529 года разработал программу, которая предусматривала постепенное упрощение религиозных обрядов. К концу жизни королю удалось реформировать весь строй церковной жизни таким образом, что Шведская Церковь ничем уже не отличалась от немецких лютеранских общин, однако это обновление церковной жизни обошлось без тех страшных кровопролитий и потрясений, какие имели место в Германии. Со смертью Густава Вазы (1560 год) закончился первый этап шведской реформации.

*
* *
*

Реформированная Церковь не всех удовлетворяла: в 70-е годы XVI века имела место попытка контрреформации. Главным инициатором ее был король Иоанн III. После смерти Иоанна III лютеране, однако, взяли верх. Окончательно же закреплено было лютеранство в Швеции в царствование короля Густава-Адольфа. Он сражался с католическими державами — с Польшей и Австро-Венгрией («Священной Германно-Римской империей»), и лютеранство сделалось в эту эпоху национальным знаменем Швеции. Поэтому Эребруское постановление 1617 года запрещало католикам жить в Швеции; поэтому же и протестанты, отпавшие от своей Церкви, подлежали немедленному выселению из страны. Швеция, вступившая в Тридцатилетнюю войну в 1630 году, была главной опорой лютеранской коалиции, и Густав-Адольф павший в битве при Люцене 16 ноября 1632 года, остается до сих пор в глазах своих единоверцев знаменосцем и мучеником протестантской идеи. Кровь, пролитая в Тридцатилетней войне тысячами отважных шведских солдат, сделала лютеранство национальным религиозным исповеданием в Швеции.

В XVII веке окончательно завершается процесс «огосударствления» Шведской Церкви.

Централизация Церкви сыграла известную положительную роль в шведской церковной истории: благодаря ей шведы избежали дробления своей Церкви на секты, характерного для некоторых других протестантских общин. В среде шведского духовенства было немало людей, озаренных светом благодати. К числу их принадлежит епископ Еспер (отец известного мистика Эммануила Сведенберга), живший в XVIII веке. Епископ Еспер свое архипастырское служение озаменовал дела-

ми истинно христианской любви, а глубокие религиозные переживания свои запечатлел в высокопоэтических псалмах, которые до сих пор входят в круг священных песнопений Шведской Церкви.

*
* *
*

События последних лет, интерес, который проявляет шведское духовенство к международной церковной жизни, участие его представителей в борьбе за мир показывают, что в Шведской Церкви есть много людей доброй воли, широко мыслящих и движимых горячими чувствами христианской любви к человечеству.

Во время недавнего визита в Москву шведской церковной делегации ее члены молились вместе с русскими православными верующими, выражали свой восторг и умиление перед духовной красотой православного богослужения. Они выражали также пожелания, чтобы связи между двумя церквями в дальнейшем крепили и развивались.

Русская Православная Церковь относится к Шведской государственной Церкви с глубоким уважением за ее верное тысячелетнее служение своей родной стране и народу.

П. Уржумцев,
кандидат богословия

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отв. секретарь Редакции **А. В. Ведерников**
Адрес редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)
Подписано в печать 17/XI 1959 г. Сдано в набор 18/XI 1959 г. По оригиналу-макету

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52. Заказ 1074

ПОПРАВКА

По вине типографии в части тиража допущена ошибка.

21 строку сверху на 2 странице следует читать:

Церковное торжество в г. Волжске 13

Зак. 1074.

